

1С
ПUBLISHING

Татьяна Коростышевская

18+

Незванный гость

Татьяна Георгиевна Коростышевская

Незванный гость

Серия «Берендийский сыск»

Серия «Евангелина Попович», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73946682

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Татьяна Коростышевская – современная писательница, автор книг в стиле юмористического фэнтези. Её творчество отличают захватывающие сюжеты, яркая любовная романтика и колоритный язык, напоминающий хрестоматийные славянские сказки. Предлагаем вам роман писательницы в жанре детективного фэнтези по миру, который уже знаком поклонникам автора, прочитавших или прослушавших книгу «Сыскарь чародейского приказа».

В этот раз столичный сыскарь Евангелина Попович отправляется в провинцию, где ей предстоит расследовать самоубийство провинциального пристава. Нельзя сказать, что

местные коллеги слишком ей рады, но, как мы знаем, эта барышня умеет за себя постоять. Подробности читайте в книге!

Содержание

Глава первая,	5
Глава вторая,	55
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Татьяна Коростышевская

Незванный гость

Глава первая, в коей некий сыскарь с разбитым сердцем прибывает в провинциальный Крыжовень

«Карта Всадник описывает общительного и активного человека. Он интеллеktуален, независим, с ним никогда не бывает скучно. Такой человек легко входит в контакт, находит знакомых и друзей. Ему не чужды любезность и тактичность. Он уверен в себе и готов проявлять инициативу».

Таро Марии Ленорман. «Руководство для гадания и предсказания судьбы»

Расклад нынче выпадал странный, что так что эдак. Захария Митрофановна даже кликнула Дуньку, девку свою, чтоб колоду, значит, сняла.

– Чегой это, барыня? – спросила Дунька, щурясь на расписные картинки. – Никак сызнава повешенный?

– Дура, – ругнулась старуха беззлобно, – дерево это, зна-

чит, про родню вспомнить надобно.

– Племяш в столицах чудит? Али в гости вашего соколика ждать?

– То-то и оно, что по картам иного полу гость получается, гляди, к дереву всадник притулился, а к нему карта женская легла.

– Дык, а баба откуда? Из родни то у вас только Митрофанушка брата покойного сыночек и остался.

– Поживем увидим, – решила мещанка Губёшкина, более известная в Крыжовене как провидица Зара, и аккуратно собрала колоду в резной ларчик. Инструменты свои она предпочитала содержать в порядке.

Гость, а точнее гостья, явилась в дом на Архиерейской улице под вечер. Тренькнули колокольцы извозчичьих саней, грубый мужской голос пробасил под окнами:

– Туточки, барышня, ваша тетушка проживают.

Дунька, прилипшая к заиндевелым стеклам, сообщила барыне:

– Девица, шубка на ей, шапочка. «Ванька» сундук с саней тащит, сейчас в дверь колотить примется.

– Отворяй, – велела Захария Митрофановна, кутаясь в расписную неклюдскую шаль.

Девка выскользнула в сени, завозилась, обувая валенки. Раздался уверенный стук в дверь, скрипнули петли, в комнату потянуло морозцем.

– Гостью вам, Дуняша, привез, – басил «ванька», – из са-

мого Мокошь-града барышня, тетушку, говорит, проведать желаю любезную.

Губешкина выглянула в сени:

– Сундук сюда, мил человек, да снег допрежь с ног обколоти, не носи в дом.

Девица потопала за порогом, обувка у нее была не особо по погоде, кожаная, тонкая, вошла, прищурилась над запотевшими стеклышками очков, зыркнула на нетопырье чучело над столом, на шар хрустальный, высмотрела в красном углу икону и чинно на нее перекрестилась.

– Дражайшая моя Захария Митрофановна, – прожурчала приветливо, с протяжным столичным «а», – неужто забыли Гелюшку свою непутевую?

Извозчик, поставив багаж в гостиной, мялся теперь в сенях, ожидая за услугу. Старуха молчала, ей было интересно, как «непутевая Гелюшка» дальше выкрутится. Она не подвела, вынула из муфты денежку, с поклоном протянула Ваньке, да не забыла носочком ботильончика на порожек ступить, чтоб, значит, через порог не передавать, плохих примет не множить:

– Спасибо, мил человек, куда надо доставил. Моя родственница, как сей час помню эти очи черные с родительской заботой на наши шалости с кузеном Митрофанушкой взирающие.

Извозчик бормотал «спасибо на спасибо».

– Вы, барышня, как нужда в санях будет, меня кличьте,

Антип меня звать, любому уличному постреленку велите, или вот Дуняше тутошной, сразу примчусь и доставлю, куда скажете. А к Кузьме не садитесь, ненадежный он человек.

– Буду иметь в виду, – пообещала девица, скидывая на руки Дуньке лисью шубку, муфту придерживала, ловко перекладывая ее из руки в руку. – Ступай, Антип, может успеешь со станции еще пассажиров взять. У вас в Крыжовене, тетушка, оказывается спрос на гужевой транспорт опережает предложение. В форменную баталию пришлось с каким-то неучтивым господином за сани вступить.

Платице на гостье было ладное шерстяное, серое со шнуровой витой отделкой, на плечи из-под лисьей папахи свисали ярко-рыжие локоны. Экая модница. Столичная штучка.

Зеленые глазищи остановились на Губешкиной и старуха громко велела:

– Дунька, дура, двери-то запри, чтоб, значит, любимую племянницу не морозить. Да чаю поставь с дороги.

Пока «ванька» Антип уходил, а девка возилась в сенях, рыжая медленно пересекла комнату:

– Простите, – выдохнула она тяжело, – этот маскарад, Захария Митрофановна.

– Все развлечение, – решила старуха и быстро спросила. – В муфте что прячешь?

– Заметили? – девица села, положила на стол глухо стукнувший меховой цилиндр. – Митрофан Митрофанович предупреждал меня о том, что его тетушка обладает быст-

рым умом. Мы с вашим племянником коллеги, в одном присутствии службу несем.

Вернувшаяся в комнату Дунька испуганно ахнула, когда из муфты появился черный вороненый револьвер.

– Позвольте отрекомендоваться, – девица стянула перчатки, ее пальцы быстро отщелкивали что-то в смертельном механизме, – чиновник седьмого класса чародейского приказа надворный советник Евангелина Романовна Попович.

Дунька ахнула сызнова, баб-чиновниц ей раньше видеть не приходилось, как и баб-сыскарей.

– На кухню ступай, – велела старуха, – чаю спроворь, да чего еще к чаю, баранок там, варенья брусничного... Что еще? Буженины. Третьего дня от Старуновых занесли. А прознаю, что ты с этому Антипу-лошадному хозяйские разговоры передаешь, накажу.

Девка ушла. Сыскарка отложила револьвер.

– Спасибо, Захария Митрофановна.

– Давай уж по-простому, без отчеств, – хмыкнула Губешкина. – Родичи как никак. Тетушкой кличь. А я тебя, значит, Гелюшкой.

Попович улыбнулась и сняла очки:

– Митрофан уверял, что есть у вас авантюрная жилка.

– Письмо-то от племянничка доставила?

– А как же, – она достала из поясного кармашка запечатанный конвертик, – только там о деле моем ничего не сказано.

Губешкина поддела сургуч кончиком изогнутого жертвенного кинжала:

– Оно и понятно.

«Тетушка Захарочка, – писал Митрофан своим каллиграфическим почерком, – прости меня непутевого, что давно тебя корреспонденцией не баловал. Весь в делах, весь в заботах. Начальство по самую маковку работой завалило. Даже четверти часа, чтоб на почтамт забежать, не находится. Хорошо хоть оказия с Гелей образовалась...»

Пока хозяйка читала, Дуняша накрывала на стол. Сыскарка, заметив опасливые взгляды прислуги, револьвер убрала.

– Значит, вольская родня? – уточнила Губешкина, сворачивая письмо.

– Седьмая вода на киселе, – кивнула барышня. – Вы уж и думать о нас забыли.

– В столицу зачем приехала?

– Кузена разыскать. На родине мне оставаться было никак невозможно.

– Скандал?

– Перфектно, – одобрила Попович, не чинясь, налила из самовара, придвинула блюдо с бужениной. – Незамужние барышни обычно от скандалов бегают.

– Несчастливая любовь. А про подробности ты говорить не желаешь.

– Ну да. И сам скандал тоже не обсуждаем. Предположим, по официальной легенде, сиротка явилась за пожилой

тетушкой присмотреть. В это, разумеется, не поверит никто, а вот в тщательно скрываемые и случайно выясненные обстоятельства бегства – с удовольствием.

– В вашем чародейском приказе все такие хитрые? – усмехнулась Губешкина. – Тогда племяннику карьеру у вас в жизни не сделать.

Геля прожевала и сообщила серьезно:

– Митрофан прекрасный секретарь, сметливый, скромный, аккуратный. Может, его взлет не будет молниеносным, но по ступенькам он поднимется основательно.

– Утешай старуху.

– Не вижу тут старух, тетушка, – притворно удивилась рыжая льстица. – Наблюдаю лишь симпатичную женщину и добропорядочную берендийку, содействующую силам правопорядка.

Дунька переминалась у порога, прислушиваясь. Захария Митрофановна велела ей исчезнуть и обернулась к госте.

– Самое время о содействии поговорить. За какой надобностью в Крыжовень из столицы целого надворного советника отрядили?

Попович сложила перед собой руки, на мизинце правой чернело пятнышко ружейной смазки:

– Надобность прозывается Блохин Степан Фомич.

– Пристав покойный? Так он в начале грудня еще... – Губешкина поискала подходящее слово, – в петлю полез.

– Берендийские почтовые службы оставляют желать луч-

шего, – кивнула девушка, – сообщение о его кончине было получено нами только третьего дня. Меня прислали выяснить обстоятельства смерти.

– Целого надворного советника? – недоверчиво переспросила хозяйка.

– У покойного господина Блохина в столице кое-какие связи имелись, в регулярной переписке он состоял. Досадно, но его послание от пятого грудня в чародейский приказ доставили одновременно с вестью о самоубийстве.

Губешкина о персоне, с коей покойник корреспондировал, спросить хотела, но передумала. Меньше знаешь, крепче спишь. Эх, Митрофан, удружил тетушке, ничего не скажешь. Казалось, похоронили пристава за оградой погостной, как самоубийц и положено, да и забыли. Ан нет, вон оно как. Чиновник седьмого класса, это вам не ежик чхнул. Девка неглупая, с револьвером управляется, слова правильные говорит. Но девка. Небось, если б в столицах к Блохину с большим вниманием отнеслись, мужика бы прислали. А Геля эта что? Ну поживет с неделю, носик свой любопытный куда-нибудь посует, да и отбудет восвояси. А Захарии за помощь – почет и благодарности, да, может, Митрофану по службе вспоможение малое.

– Понятно, – протянула наконец старуха, вызвав у собеседнице грустную и не относящуюся к разговору улыбку, будто это «понятно» о другом человеке ей напомнило, – спрашивай, Евангелина Романовна, обо всем без утайки те-

бе поведаю и обо всех.

На столе будто по волшебству появился блокнотик в кожаном переплете, а в руке надворного советника – свинцовый карандаш.

– Погоди писать, – хозяйка откинула крышку резного ларца. – Давай, для начала, на тебя картишки раскину, барышня Попович. А ну, колоду сдвинь, да не этой рукой, левой, к себе... правильно. Сейчас тебе провидица Зара всю правду скажет, что было, что будет, на чем сердце успокоится.

Начальник чародейского приказа Семен Аристархович Крестовский смотрел на соломинку в своей руке с таким видом, будто она в любой момент могла выстрелить.

– И у тебя длинная, – сообщил Эльдар в пространство, – значит, в Крыжовень ехать Геле.

Я кивнула, сжала кулак, разламывая свою соломинку, и бросила сор под столешницу, в корзину для бумаг.

– Судьба, – пожал плечами Иван Иванович.

Чардеи! (Никак не получалось от Вольского просторечия окончательно избавиться, вот я их так мысленно и называла – чардеи.) Каждый из них в этой жеребьевке подколдовал, к гадалке не ходи. Но, к счастью, против простого шулерства колдовства еще не изобрели. Только и требовалось, самой банк держать, то есть четыре абсолютно одинаковых соломинки в сжатой ладони, да позволить коллегам прежде меня вытянуть.

– Значит так, – сказал Крестовский деловито, – сыскарики, жребий этот мы сейчас обнулим, и назначим...

– Протестую! – перебила я начальство. – Вы, шеф, своим обнулением выказываете обидное недоверие своей подчиненной.

– И что? – сверкнул Семен синими глазищами.

Взгляд я выдержала, и даже не разревелась.

– А то, ваше превосходительство, что прочие ваши подчиненные могут начать то же самое выказывать. Правильно-де, нечего женщин в провинцию откомандировывать, не женское это дело. А от этого всего шаг до мысли, что в приказе слабому полу не место. Мысли, заметьте, крамольной, высочайшему указу нашего императорского величества противоречащей.

Уголкем глаза я отметила недоверчивое внимание, с которым на меня уставились Зорин с Мамаевым. Мой верно-подданнический тон обмануть их не мог.

– Уж не собираетесь ли вы, Евангелина Романовна, – сказал Крестовский самым неприятным своим голосом, – в следующем пассаже упрекнуть меня в том, что-де не умею службу от личной жизни отделять?

Честно говоря, подобная тирада у меня к финалу была припасена, так сказать, на погоны. Поэтому я замотала головой, выражая лицом незамутненную придурковатость, столь ценимую любым начальством:

– Как можно, Семен Аристархович?

Зорин по обыкновению выступил примирителем.

– Сдается мне, дама и господа, не с того начинаем. Ты, Семен, сперва нас в дело посвяти, а после решим, кого на него отправить.

– Протестую! – повторила я в который раз за день. – То есть, против последней части, Иван Иванович. Исполнитель избран жребием, и теперь именно его, то есть меня ввести в курс надо.

Шеф отвернулся, оседлал стул в центре ковра, обвел присутствующих взглядом:

– Неужели название Крыжовень вас ни на какие идеи не натолкнуло?

Меня натолкнуло на мысли о варении с последующим слюноотделением, но я их озвучивать этого не стала.

– Да не томи уже, – Эльдар придвинул стул поближе к моему столу, чтоб Крестовскому не приходилось вертеть головой из стороны в сторону.

– Степка Блохин? – вдруг спросил Зорин. – Ординарец твой? Ты ему, кажется в этом Крыжовене местечко околоточного выхлопотал?

– Семушка никого заботами не оставляет, – шепнул мне смешливо Мамаев, – особенно из братьев по оружию, денщика даже к должности пристроил. Крыжопень, надо же! Ох, прости, Гелюшка, все забываю, что ты дама.

– Я все слышу, Эльдар, – сообщил Крестовский кисло. – Продолжишь над начальством потешаться, сам в эту тьмута-

ракань поедешь, да не просто так, а занять освободившееся место тамошнего пристава.

– Не околоточный? – уточнила я, черкая в блокноте. – Пристав? Блохин Степан... Как по батюшке?

– Фомич. Блохин Степан Фомич, отставной прапорщик.

– Женат? Дети есть?

Как бы шеф не был на меня зол, деловитость ему очень нравилась. Я же писала, чтоб смотреть на строчки, а не на львиногривого своего действительного статского советника. Служба и личная жизнь, как вас разделить? Эх, Гея, решать тебе что-то пора. Потому что не делится оно, хоть тресни.

– Нет, – ответил Крестовский. – Блохин холост и бездетен, а с грудня шестого числа еще и мертв.

Я обвела первую строчку траурной рамкой.

– Когда узнали?

Шеф хмыкнул:

– Нынче утром, когда запросы из Змеевичской управы разбирал.

Начало грудня, а сегодня у нас двадцать пятое число лютаго. Три месяца. Однако, работа нашей почты оставляет желать. Дождутся ироды конкурентов, гнумы давно в сенат предложение о частных письмодоставках внесли. Глядишь, к осени вопрос и решится.

Я записала дату и «уезд Змеевичи», к которому относился упоминаемый Крыжовень.

– Причина смерти?

– Официально – самоубийство.

– Наследники имеются?

– Дальние родственники, но им, по понятным причинам, ничего не перепадет. Сам Степан богатств не нажил.

Ну да, если бы этот Блохин на службе жизни лишился, то и пенсия его и что-нибудь за выслугу перешли бы по наследству, а так... Кошмарная ситуация. И позор.

– Ну ведь господин пристав не сам руки на себя наложил? – спросил Мамаев. – Иначе мы бы сейчас не заседали.

– Давай, Семен, – Зорин поглядел на часы, – карты на стол. Ты со Степкой, земля ему пухом, явно письмами обменивался.

Выхватить замусоленный конверт я успела первой. Мокошь-град, Кресты, его превосходительству... лично в руки... Ну и почерк!

– Пятое груденя? – Цифры на штемпеле оказались отчетливы. – За день до смерти? Когда пришло?

– Нынче, – вздохнул шеф.

Чтоб как-то утешить начальство я сообщила ему о гнумах и частных инициативах, кои непременно придут на смену берендийскому почтовому ведомству, одновременно извлекая и разворачивая на столешнице листок в косую линейку, исписанный с одной (я проверила) стороны казенными синими чернилами.

Мамаев заглядывал мне через плечо, скрип стула возвестил, что Иван Иванович покинул насиженное местечко,

чтоб полюбопытствовать.

Обязательных приветствий в письме не было, как и абзацев, и заглавных букв.

«Плохо дело, – писал покойный, – обложили твари злобные, заморочили».

Дальше шло нечто неразборчивое. Голоса? Точно. «...загробный голос будто из под пола...» Тыщщи? Это, наверное, тысячи. Многие тысячи там припрятаны. Где там? Под полом? Еще какие-то он и она. Он грозился, а она хохотала демонски.

О покойниках плохо думать нельзя, но кто так предсмертные послания пишет? Вот я, например, список с именами составлю подробный, чтоб после сыскари сразу знали, кого допрашивать.

Внизу странички стояло:

«Ежели, ваш бродь, Степку вашего оговаривать примутся, что сам в петлю на осиновом суку полез, то не верьте, не таков я человек, и не поминайте лихом».

Распрямившись и отдав письмо для изучения Зорину, я обратилась к шефу:

– С каких пор господин Блохин должность пристава занимал?

– Три с половиной, почти четыре года.

– Писал часто?

– Не часто, но регулярно. Предвосхищая вопросы, Евангелина Романовна, переписку такого рода я хранить обык-

новения не имею. Поэтому придется вам обойтись устным пересказом. Степан мой родом из тех мест, хутор его, к несчастью, полностью обезлюдел, поэтому Блохин попросился служить в Крыжовене и был тем доволен. Его письма, исключая последнее, были толковы и благодушны. Жизнь в провинции ему нравилась, местные жители проявляли приветливость, природа... – Крестовский махнул рукой. – Чистая идиллия. В прошлом году среди обычной буколки стали появляться разные околослужебные вопросы. Просил, к примеру, проверить некоего господинчика, бойкую торговлю паровозными акциями наладившего.

– Ветку железнодорожную до Змеевичей добросили, – сказал Мамаев, уже разглядывающий со вниманием настенную карту, – как раз в это время.

– Как звали господинчика? – спросила я.

– Федор Игнатьевич Химеров, – без запинки ответил шеф, – мещанин, родом из Нижнеградской губернии, действительно маклер.

На всякий случай я это все записала.

– Еще что Блохин спрашивал?

– Просил прислать ему чародейских стекол, сквозь которые рунную вязь рассмотреть можно.

– То есть, сам он чародеем не был? – спросила я для проформы.

– Был, Геля.

Дернув на себя ящик стола, я достала свои очки с чаро-

дейскими стеклами, водрузила их на нос и отобрала письмо у присевшего на освободившееся подле меня место Ивана. Я-то ни разу не чародейка.

– Теперь видишь? – спросил Зорин с сочувствием и показал, куда смотреть. – Это аркан на Семена, чтоб только он конверт распечатать мог, это на скорость. Он, кстати, наложен прескверно.

– Вот-вот, – поддакнул шеф. – А как тебе, Ванечка, призыв к стихиям с ошибкой в каждом втором символе?

– Он для чего? – сняла я очки.

– Не для чего, – ответил Зорин. – Он пустышка, навреде детской считалочки.

– Мнемотехника, – Семен сочувствие ко мне, чарами обделенной, тщательно скрывал, – помогает неофитам запомнить графический рисунок основных рун.

– А еще, – зловеще протянул Эльдар от карты, – ходят среди нашего вида колдунского слухи, что бережет сей призыв нас от безумия чародейского. Сдается мне, сыскарики, наш Степан покойный разум по капле терял, и того боялся.

Эльдар Давидович воткнул в карту алый бумажный флажок, будто точку в разговоре поставил, вернулся к столу, прогнал Зорина, сел рядом со мной.

– На месте разбираться надобно. – Крестовский оглядел нас по очереди. – Прибыть в Крыжовень инкогнито, осмотреться, народ расспросить. После войти в контакт с местным присутствием, бумагу официальную им показать. Что-

де прибыли из столицы одного из нижних чинов до пристава повесить.

– Перфектно, – решила я и смешалась под укоризненным взглядом начальства.

Мое паразитное словечко Семен Аристархович не обожал.

– Знаешь, букашечка, – Эльдар одарил меня заговорщечкой улыбкой, его «букашечки» тоже признавались у нас паразитными, – а ведь тебе и вправду в Крыжовень соваться не стоит.

Мое «протестую» было жалким.

– Сама посуды, – продолжал Мамаев под одобрительным взглядом начальника приказа, – прибыть инкогнито, то бишь, незаметно. Одинокая барышня привлечет нежелательное внимание.

– Барышня может переодеться кем угодно, – холодно улыбнулась я, – бродячей неклюдкой, безутешной вдовой, мальчишкой-разнорабочим, в конце концов.

Семен фыркнул. Я переводила взгляд с одного чародея на другого. Эльдар глумливо шурился, Иван качал головой, шеф попросту ждал любых моих слов, чтоб заржать.

– Простите, что вмешиваюсь, – из темного угла раздалось неуверенное покашливание, – но, кажется, я мог бы поспособствовать Евангелине Романовне сохранить инкогнито.

Про Митрофана мы забыли по прискорбному нашему обыкновению. Секретарь Губешкин был юношей скромным

до полного растворения в пространстве. Он, оказывается, с самого начала совещания сидел тише мыши в уголке, и только сейчас подал голос.

Крестовский уже открыл рот, чтоб что-то эдакое сказать. Секретарь боялся его до обморока, и я, этого самого обморока опасаясь, проговорила первой:

– Извольте, Митрофан Митрофанович, вся внимание.

Семен рот закрыл. Мамаев мне подмигнул, наши с шефом духоборческие экзерсисы его забавляли.

Секретарь сызнава откашлялся:

– Я, господа и Евангелина Романовна, некоторым образом из искомых мест.

– Можно немного точнее, Митрофан? – не сдержался шеф. – Что еще за некоторый образ? Вы родились здесь в Мокошь-граде.

– А батюшка мой...

Секретарь начал бормотать себе под нос, я его подбодрила:

– Ваш достойный покойный родитель из Змеевичского уезда?

– Нет, – шепнул Митрофан.

Крестовский гаденько усмехнулся, но секретарь продолжил чуть громче, и улыбка начальства растаяла.

– Тетушка у меня там проживает, в Крыжовене. Захария Митрофановна, благонравная старуха самых передовых взглядов.

– Любопытно, – решил Мамаев, – и что же, эта дочь Митрофана гостье из Мокошь-града не удивится?

– Сказано было, – шикнула я на коллегу, – передовых взглядов барыня.

– Она, некоторым образом, – секретарь покраснел, – гадалка.

Шеф хмыкнул:

– Шарлатанка?

– Что вы, ваше превосходительство, дар провидческий тетушке положен.

– Семен Аристархович просит прощения, – улыбнулась я елейно, – за то, что вашу родственницу невольно нехорошим словом обидел. Гадалка, это пер... расчудесно. Вы, Митрофан, черкните пару строк любимой тетушке, так мол и так, кузина Гелечка письмецо с оказией доставит, про жизнь свою поведайте.

– Кузина?

– Притворимся ненадолго, что у Захарии Митрофановны кроме племянника еще и племянница имеется, седьмая вода на киселе, но все ж родня. Гадалка! Да к ней в дом наверняка половина города за предсказаниями хаживает. Лучшего места, чтоб осмотреться и не придумать.

– Может все-таки кузен, а не кузина? – предложил осторожно Зорин.

– Геля права, – вздохнул шеф, – в этой ситуации девушка вызовет меньше подозрений.

– Солома не врет! – поддержала я. – То есть, жребий и судьба.

– Понятно, – закончил совещание Крестовский своим паразитским словечком и поглядел на часы. – Иван, немедленно отправляйся в имперскую канцелярию, там какие-то сверхсекретные документы нас ожидают. Сам хотел забежать, да не успеваю. Эльдар, знаю что не по чину, но будь любезен, спустись к дежурному, протелефонируй оттуда в вокзальную управу, пусть выпишут для Евангелины Романовны отдельное купе до Змеевичей. Или можно до самого этого Крыжовеня?

– Разберусь, – отмахнулся Мамаев и вышел за дверь.

Зорин запер шкаф с документами и теперь надевал зимнюю чиновничью шинель у настенного зеркала.

– Меня у извозчика обожди, – попросил Крестовский, – нам почти по дороге.

– Митрофан, – позвала я, – присаживайтесь поближе, нам с вами долгий разговор предстоит.

– Разработайте легенду, – кивнул шеф, – простенькое что-нибудь без театральных эффектов. Вы, Губешкин, расскажите все, что о тетушке помните, а вы, Попович...

Чинопочитание во мне очень развито, лишь поэтому я не зарычала на непрошенные советы, а вежливо попрощалась с Иваном. Крестовский вибрировал как железный прут на морозе, с ним такое бывало, если дело спорилось.

Мне стало грустно. Дело его я знала, а лучше б не знать.

«Почти по дороге». От имперской канцелярии через площадь наискосок в приказ темнейшего Брюта. Сама там утром с визитом была. Что там говорил Юлий Францевич?

– Ровно к пяти после полудня примчится ко мне ваш великий Семушка.

Я посмотрела на часы. Без четверти.

– Евангелина Романовна, – велело весело начальство, – вы уж дождитесь меня нынче.

– Всенепременно. У меня как раз бумажной работы накопилось. Допоздна ждать?

Семен ответил одними губами:

– За каждую минутку рассчитаюсь.

Я покраснела томно. Этими губами со мною обычно и рассчитываются.

Шеф убежал, я отдышалась и приступила к опросу. Со мной наедине Митрофан был гораздо бойчее, да и на «ты» мы перешли безназорно. Про тетушку он помнил немного, в Крыжовене у нее гостил в столь юном возрасте, что запомнил лишь чучело нетопыря у нее над столом. Виделись в последний раз на похоронах Митрофана Митрофановича Губешкина секретаря разбойного приказа. Я выразила соболезнования и отложила карандаш.

– Родительскую стезю для себя избрал? Похвально.

– Почерк у меня больно замечательный, – смутился Митрофан.

– Исключительный, все про то говорят.

Дверь кабинета отворилась, впуская Эльдара Давидовича.

– Хорошая новость – прямой поезд существует, тот же, что и до Змеевичей, похуже – ходит он раз в неделю, и совсем плохая – следующего неделю ждать.

– То есть, – уточнила я, – сегодняшний уже ушел?

– В семь отходит, – вздохнул Мамаев.

– Так два часа еще!

– Геля, – погрозили мне пальцем. – С бухты-баракты такие дела не делают.

– На извозчике, – вскочила я и принялась суетливо прятать в стол бумаги, – на квартиру, платье в сундук побросать и сразу на вокзал. Митрофан, не спи, пиши письмо, сургуч вон возьми запечатать.

– У тебя билета даже нет, – напомнил Эльдар.

– В кассе куплю.

Рукава шинели путались, я, чертыхаясь плохими словами, пыталась попасть в них.

– Готово, – сказал секретарь, оставляя на коричневой кляксе отиск гимназического перстня.

– Спасибо, – схватила я конверт. – Документы на должность пристава, которые Семен Аристархович выдать обещал, следом отошли, почтой. Только на адрес тетушки, а не в местную управу. Это важно.

– Как раз на морковкино заговенье дойдут, – Мамаев тоже одевался.

Я огрызнулась:

– Так наложите на них ваши скоростные арканы, господа великие чародеи. Хоть какой от вас толк будет. Ты куда собрался?

– Провожать, – галантно ответил Эльдар, – ругаться с носильщиками, убеждаться, что попутчики тебе попались не совсем злодейского вида, а пуще прочего, скрываться от разъяренного начальства, которое непременно шкуру с меня спустит за то что тебя отпустил.

– Остынет, – пообещала я, – еще раньше чем встретитесь. Секретарь на дорожку меня перекрестил.

Извозчика взяли приказного, не сани, легкий фаэтон с обмотанными по зимнему времени цепями колесами. Чародей еще пассы некие руками произвел для легкости хода и избежания скольжения.

– Давай, букашечка, – предложил Мамаев, когда повозка тронулась с места, – Расскажи дядюшке Эльдару, что с тобою приключилось.

– Задание у меня, дядюшка, вот что.

– С самого утра места себе не находишь, глаза красные, стало быть, ревела, смеешься громко, да все невпопад, – перечислил чародей. – Вчера спокойна была, свидание тайное предвкушала. Или кавалер, тот самый тайный, обидел?

Я посмотрела в спину возницы:

– Мне бы, Эльдар Давидович, не хотелось с вами на службе личные дела обсуждать.

До благой Цвѣточной улицы ехали молча. Слезы на

щеках льдисто покалывали, но я их не стирала, чтоб спутник не видел моего плача.

– В коляске обожди, – попросила я весело Эльдара и чуть не вприпрыжку, демонстрируя радость, побежала домой.

– Всенепременно, – согласился чародей, закрывая за собою дверь моей квартиры. – Обожду там, померзну... Геля?

Я бросилась ему на грудь:

– Охота тебе, Мамаев, со мною возиться.

– Ты мне друг, Попович, – он гладил меня по голове, я хлопала носом в его шинель. – Я друзей не бросаю. Ну, что ты расклеилась? Будь ты мужиком, я б тебя напоил, ты бы и выпустила наружу все, что накопилось. Но ты у нас барышня, хоть и суфражистка, да и на хорошую качественную попойку часа мало.

Под монотонное бормотание я немного успокоилась, перестала вздрагивать, сказала доверительно:

– Тошно мне Эльдар, ох как тошно. Вроде все правильно делаю, ни в чем души не кривлю, а радости нет. Казалось, вот она, служба, о которой мечталось. Учись, Геля, работай...

– А тут Крестовский со своими амурами невпопад?

– Это я невпопад! Сама влюбилась, сама...

– Принижать себя не смей! – прикрикнул Мамаев. – И вину нелепую забудь.

– Ладно, – я со вздохом отстранилась. – Для качественного дамского рева часа не хватит. Помоги тогда вещи собрать.

Помощь заключалась в том, что чародей, распахнув двер-

цы гардероба, бросал в сундук все подряд. Я же жаловалась ему, присев на краешек кровати:

– Решать что-то надо, либо служба, либо любовь. А как тут решишь, когда ежедневно Семена перед собою вижу? Вот я и ухватилась за этот Крыжовень, чтоб отдалиться на время, мыслям потаенным простор дать.

– Звучит логично, – согласился Мамаев, – только вот слезы твои в эту картину не вписываются.

– Юлий Францевич к себе в тайный сыск служить зазывает.

– А ты?

– Я б пошла, но... Не знаю, как объяснить. Ну вот, представь, беседуем нынче утром, его высокопревосходительство господин Брют, по обыкновению, сама любезность. Обсуждаем дело о дамских обществах, что с сеченя совместно с тайными ведем. Слово за слово. Не хотите ли, Гелюшка, присутствие сменить? Ах, разумеется, чародейский сыск нынче в таких эмпиреях витает, под патронатом самого императора находится, не снизойдете до старика! Я натурально не успеваю ни словечка вставить, чтоб возразить прилично насчет возраста. Сама думаю, Геля, это ведь перфектно получится! У тебя и служба будет, и с Семеном можно не расставаться. Но Брют продолжает. Шалун Семушка на повороте Юлика обскакал. Это он себя так называет, Юлик!

Мамаев хохотнул, захлопнул крышку сундука:

– И каких гадостей наш Юлик тебе еще отсыпал? От них

рыдала?

– Сказал, Крестовский ваш – беспринципный интриган, который в амбициях своих не только через барышню влюбленную, но и через друзей перешагнет. И, если я в то не верю...

Дальше слова не шли ни в какую.

– Геля! – вздохнул чародей. – Не тяни время, у нас извозчик заиндевел совсем от твоей нерешительности.

– Так пошли, – взялась я за ручку сундука. – Больше там нечего рассказывать.

– Точно?

– Точно, Мамаев, точно. У меня перманентное нервное расстройство на почве несовпадения желаний с возможностями случилось. Потому что после того, что мне Юлик, си-речь его высокопревосходительство, нынче наговорил, карьеру в его тайном приказе я строить не намерена.

– Узнаю нашу Попович, – обрадовался Эльдар. – Теперь ручонки свои от багажа убери, тут на двух здоровых мужиков ноша.

– Уж не небрежение женским полом послышалось мне в ваших словах, господин «здоровый мужик»?

– Или одного чародея, – подмигнул Мамаев, щелкнул пальцами, и мой сундук воспарил в сажени над полом. – Дверь отвори.

– Небрежение женским полом вкупе с презрением к большинству, чародейской силы лишенным, – сказала я строго,

но дверь открыла.

Сундук сам собою устроился на багажной полке фаэтона, сердобольный Эльдар Давидович сунул извозчику свою дежурную фляжку с коньяком «для сугреву», сам-то, басурманин, не пьет, для других таскает, и мы поехали на вокзал.

Сегодня в столицу прибывает графиня Головина. Вот что еще я услышала от канцлера. Фрейлина Головина, гранд-дама в свите самой императрицы. Ева Головина, которую Семен любил, когда она еще не вышла замуж. Вдова Головина.

– Ровно к пяти после полудня примчится ко мне ваш великий Семушка, – сказал Юлий Францевич, – как прочтет записочку, что соперник его во сырой земле, а любезная Ева Георгиевна сызнава заневестилась, на крыльях к старик-у примчится.

Не то чтобы я ревновала. Семен Аристархович мужчина взрослый, разумеется, до встречи со мною не монашествовал. Подробностей не рассказывал, но это и так понятно. Про Еву упоминал просто, без аффектации. Юношеская любовь, соседка по даче, подружка сестры Сонечки. Рыженькая прелестница барышня Клюева. Я представляла себе совсем еще юного Семена в новом с иголки офицерском мундире, он тогда только из кадетского корпуса выпустился, и девицу рядом с ним восторженную. Евочка как раз собиралась на милосердную сестру выучиться, чтоб отечеству в самых горячих местах помогать. Время было беспокойное, в воздухе пахло близкой войной, на границах империи собирались

вражьи войска. Сама-то я примерно тогда же дралась с деревенскими мальчишками задохлую кошку в родимом Орюпинске, так что никаких запахов не помню. Кошку я, кстати, выходила, Аси-магари зовут из-за дивного сходства с яматским демоном, до сих пор видом своим гостей наших с маменькой пугает. Но это так, к слову. У Семена же с барышней Клюевой все развивалось прилично для их возраста и положения. Семен Аристархович был представлен родителям, одобрен господином Клюевым, учителем мокошь-градской гимназии, и стал ухаживать с длительными перерывами на войну. Ева терпеливо ждала. А потом... Дальше показания путались, скрывались пеленою недомолвок. Он уже стал почти тем Крестовским, которого я знаю, познал чародейский источник в дальних магольских степях, продвинулся по службе, приобрел друзей, кое-какие связи, оставил военную карьеру, вернулся в столицу, готовился к свадьбе. Пробел. Барышня Клюева стоит у алтаря с графом Головиным почетным сенатором и кавалером всевозможных орденов сорока годами себя старше.

Такая вот история. Единственное, что мне было в ней любопытно, закончила Ева в конце-концов курсы милосердных сестер, или нет. У Семена спросить постеснялась. Думала, встречу графиню Головину на заседании мокошь-градского клуба суфразисток, поинтересуюсь между делом. Но ее сиятельство с лета в столице не бывала, супруг занемог, что в его возрасте дело вполне обычное. А теперь вот помер.

Я вздохнула. Фаэтон подъехал к зданию вокзала, и вспоминать дальше времени не было.

Это не ревность, Геля, абсолютно точно не ревность. Ты просто не хочешь видеть, как твой, или не совсем твой Крестовский меж двух рыжих зайцев мечется. Ты знаешь, каков он, знаешь, сколь важна ему карьера и дело, которому посвятил жизнь. И в этом ты ему, к сожалению, не помощник, в отличие от графини.

– Колдовать не буду, – решил Мамаев, помогая мне выйти из коляски, и кликнул носильщика.

Билеты в кассе нашлись, и даже первого класса.

– Револьвер-то прихватила? – спросил меня Эльдар на прощание.

– Разумеется, – приподняла я муфту.

– На рожон не лезь, твое дело информацию собрать. Запахнет жареным, зови, Семка по земляной жиле нас на помощь к тебе протащит.

Я кивнула, оберег наш приказной для зова я носила на груди не снимая.

– Телеграфировать будешь ежедневно с отчетами. Доберешься на место, молнию отбей.

– Не увлекайся, дядюшка, наказания своими, – перебила я смехом. – Не хватало еще так нелепо конспирацию рушить.

– И правда, – улыбнулся Мамаев.

Он развел в стороны руки с намерением, видимо, по берендийскому обычаю, меня обнять, замер в этой нелепой по-

зе и протяжно присвистнул:

– Какие люди!

Я посмотрела. Толпа вокруг нас сновала изрядная, на соседний путь прибыл состав, встречающие махали букетами, кричали радостно, пассажиры покидали вагоны, тележки носильщиков громыхали железными колесами. По перрону, рассекая многолюдие на манер ледакольного корабельного носа, двигалась процессия: четверка рослых молодцов в мундирах тайного сыска, канцлер Брют, чей цилиндр едва доставал плеча ближайшего охранника, два брютовых секретаря в штатском, пара жандармов, начальник вокзала со своим адъютантом и Семен Аристархович Крестовский, в чьих руках я заметила букет льдисто-белых цветов белокрыльника. Пристойный выбор для вдовицы.

Попытку мою прошмыгнуть в свой вагон пресек Эльдар Давидович:

– Не суетись, Попович, нас заметили.

Первым ко мне подлетел его высокопревосходительство:

– Евангелина Романовна, какая приятная неожиданная встреча!

Мамаев поклонился, косясь на вагонного, который вытянулся во фронт, дрожа от усердия.

Я присела в книксене, пробормотала:

– На задание отправляюсь, Юлий Францевич.

А про себя додумала: «Вы мне этим представлением всю конспирацию вот-вот порушите!»

– Куда? – удивился Брют громко. – Семен Аристархович ничего мне не рассказал. Надолго?

– К слову, наверное, не пришлось, – посмотрела я на шефа, он злился. – Неделя, или две.

– По возвращении, Евангелина Романовна, извольте немедленно ко мне на ковер, – велел канцлер. – У меня для вас сюрприз.

– Разбалуете меня, ваше высокопревосходительство, – честно предупредила я, но быстро поправилась. – Всенепременно явлюсь.

– Ну что ж, – Юлий Францевич обернулся через плечо, бросил взгляд на даму в трауре, спускающуюся из вагона первого класса, хихикнул. – Желаю вам, надворный советник, исполнить задание с блеском.

Если бы он бросился обниматься на прощание по старинному берендийскому обычаю, я бы, клянусь, лишилась чувств. Но обошлось. Канцлер залихватски прикоснулся к цилиндру и пошел к траурной даме.

Хороша была графиня Головина. Рыжая, томная, с влажными ореховыми глазами, пухлым ртом, острым прямым носиком и черными бровями вразлет. Рассмотреть все это великолепиие удалось от того, что при приближении Брюта графиня подняла с лица плотную черную вуаль.

– Что за самоуправство, Попович? – Отвлекло меня от разглядываний шипение начальства. – Мамаев, ты совсем берега попутал?

Семен задержался подле нас и теперь по очереди прожигал гневными взглядами.

– Потом все объясню, – не испугался Эльдар. – Выбора не было.

Синие глаза остановились на мне. Я промолчала.

Графиня воскликнула, мило грассируя:

– Семен Аристархович! Семен! Сеня!

Еще на первом возгласе начальство ошутимо вздрогнуло и обернулось. Головина устремилась к нему навстречу, я попятилась к подножке своего вагона, Мамаев подал мне руку:

– Давай, букашечка, не мешкай, эдакой образцовой скорбью лучше из окна любоваться.

– Прощай, – взобралась я по ступеням.

Он помахал рукой. Сверху мне было видно, как Ева Головина рыдает на груди Крестовского, он придерживал ее плечи, белые бутоны белокрыльника красиво контрастировали с траурным нарядом.

В окно купе я смотреть не стала, даже шторы задернула, чтоб соблазна не ощутить.

Соберись, Геля, личные мысли долой. Ты на задании, а голова твоя таким образом устроена, что только одну думу помещать может.

Четверть часа до отправления я провела, прикрыв глаза и откинув голову на подголовник. «Блохин Степан Фомич – покойный пристав, чародей, подозрение на безумие, призыв к стихиям, мнемотехника, подпол, деньги, возможно,

клад. Чародейские стекла. Зачем? Губешкина Захария Митрофановна шестидесяти лет, мещанка, гадалка, творческий псевдоним – провидица Зара, черноглазая, чучело нетопыря. Ласкательно – Захарочка. Старая дева. Химеров Федор Игнатьевич, в Крыжовене, возможно, не проживает, мещанин, родом из Нижнеградской губернии, маклер паровозной компании» – повторяла я блокнотные записи. Память у меня зрительная, чтоб не забыть, мне сперва буквами все записать требуется, зато потом перечитывать и не нужно.

Состав дернулся, громыхнули сцепки вагонов, мы тронулись.

Крыжовень... Экая ты, Геля, дурында, ничего про городок заранее не вызнала. Ни населения, ни живет с чего. Давай теперь, подключай воображение, с которым у тебя, если начистоту, не особо. Население, предположим, тысяч с пять, иначе и городом бы не прозывался. Ветку железнодорожную недавно добросили, стало быть торговля пошла бойчее. Торговля, следовательно гильдейские купцы, наверное и улица у них там имеется чистая с домами белокаменными. Ай, ладно. Что я провинций в жизни не видала? Сама из нее прихожу.

Кожу на груди кольнуло, оберег потеплел. Кто-то из коллег чародеит, но на зов не похоже. Запахло скошенным лугом, теплым из-под коровы молоком и близкой грозой. Зорин, его колдовство. Я открыла глаза, увидала на коленях небольшой сверточек вошеной бумаги и зашуршала ею, ощу-

щая, как подвеска-буковка остывает под корсажем платья. В свертке оказалась атласная коробочка, в которой ювелирные безделушки дарить принято и записка на розовой подарочной открытке. Твердым почерком Ивана Ивановича там стояло:

«Маленький презент чаровнице Жуже от трепетного
воздыхателя, на память о долгой кафешантанной ночи».

Я хихикнула. Ночь, действительно, была долгой. Мы с Зориным до самого рассвета филерами службу несли под кафешантаном, влюбленную парочку изображали, он – купца заезжего, я, соответственно, развеселую девицу с собачьей кличкой. К слову, влюбленных изображать я предпочитаю именно с Иваном, за его широкой спиной и перекусить можно без опаски быть замеченной, и даже вздремнуть.

Что там? Любопытно.

На атласной подушечке лежала ракушка, похожая на домик улитки, или вовсе на кукольное ухо. Поддев безделушку пальцем, я ее вытащила и рассмотрела со вниманием. Не ракушка, мрамор обточенный размером с ноготь большого пальца, ни петельки для подвеса, ни резьбы для украшения, только глубокая борозда неправильным полукругом.

Открытка в левой руке вдруг вспыхнула зеленым чародейским огнем. Я вздрогнула, но пламя не обжигало, и вскоре на пол осыпалась горстка бумажного пепла. Осторожен наш Иван Иванович, следов не оставляет. Но оно и понятно. Супруга у Зорина Серафима Карповна – особа столь ревни-

вая, что, попадись ей эта записочка на глаза, сначала прибьет нас до смерти, изменщиков, а после разбираться будет. Разберется, остынет, поплачет о любезном Ванечке и подруге верной Евангелине, может и на том свете разыщет, чтоб извиниться, сил блаженной Серафиме хватит, только вот ожить обратно не сможет.

Обтерев пальцы о подол, я продолжила изучение вещицы. Ну хорошо, резьбы нет, а что насчет рун чародейских?

Рабочие очки привычно охватили дужкой переносицу, в глазах зарябило от мерцающих колдовских знаков. Так, так. Это амулет, производства кустарного, донельзя мощный. И куда мне его? Раз Зорин письменной инструкцией презент свой не сопроводил, стало быть уверен, что сама догадаюсь. Вспоминай, Геля.

Кафешантан, нарядная толпа, афишная тумба, разносчик со сбитнем. Ты греешь руки о кружку, болтаешь весело, не забывая зыркать на вход. Задание было выследить некую даму, отправившуюся на тайную встречу с некоей венценосной особой. Дама так и не явилась, вы до утра с Зориным мерзли, болтали о всяком. Ты еще жаловалась Ивану, что из-за его дел амурных окончательно с Жозефиной рассорилась. Жозефину, певичку знакомую нашу, Матреной на самом деле кличут, но это сейчас не важно. Я сетовала, что останься мы с нею приятельницами, можно было бы по очереди в ее уборной отогреваться. А Зорин делал страшные глаза, представляя, что на эти «отогревания» его всевидящая супруга

сказала бы. Она-то не в столице нынче, и явится нескоро, но прознала бы непременно. Я хохотала. Нет, не то. Вот! Через улицу два господина стояло вида самого злодейского, Иван, тоже их заметив, ниточку колдовскую протянул, чтоб нам их беседу подслушать удалось. Разговор там оказался пустой, не по нашей части, но само чародейство меня немало впечатлило.

– Давно хотела выучиться по губам читать, – сообщила я недовольно, – и даже умельца одного разыскала, мима заграничного. Только договориться с ним не смогла, говорит-де тайна губочтения от отца к сыну в их семье передается и даже удочерять меня отказался.

– Что-нибудь для тебя придумаем, чаровница Жужа, – успокоил Иван, – фитюльку какую обучающую. Должен же я за дружбу девичью порушенную откупиться.

Фитюлька сейчас лежала на моей ладони и рунно мерцала. Куда мне тебя? Думай, Геля, не даром же в чародейском сыске служишь, хоть и не чародейка ни разу. Как коллеги твои разлюбезные говорят, подобное к подобному? Я приложила амулет к правому уху, он поместился точно в раковину, навряд ли каменной беруши. В этот момент дверь купе отъехала в сторону, на пороге воздвигся вагонный, молодой человек в железнодорожном мундире, поезд был не глумский, самый обычный, и обслуживался ведомственной бригадой.

– Барышня Попович? – спросил вагонный, сверяясь с билетами. – Следуете до Крыжовеня?

Его ломкий тенорок я прекрасно слышала левым ухом, в правом же звучал непривычно монотонный бас Ивана Ивановича, слово в слово повторивший фразы молодого человека.

– Все верно, – улыбнулась я и отвела взгляд в сторону. – Ждать ли мне попутчиков, любезный?

Стена купе была оббита полосатым черно-желтым атласом, от двери до окна сорок полос.

– Что вы, барышня Попович! Никаких соседей, вы ведь за оба места заплатили.

Перфектно! Голос теперь я слышала лишь один, значит фитюлька читает по губам. Ай-да Зорин! Действительно обучающий амулет мне изготовил. Какая полезная вещичка. Назову ее «жужа», в «память о долгой кафешантанной ночи».

Вагонный меж тем приветствовал меня в качестве пассажирки, сообщил, что путешествие наше продлится трое суток, что к моим услугам в хвосте состава расположен ресторан с живой музыкой, а в голове – библиотека и гостиная, где мне предложат развлечься беседой и настольными тихими играми.

Когда взгляд мой останавливался на лице молодого человека, слова двоились. Я поблагодарила, уточнила время ужина, и часы до оногo провела за лицезрением бескрайных берендийских просторов за окном, заснеженных и несколько однообразных.

С коллегами мне невероятно повезло, и с Зориным, и с Мамаевым. Эльдар вон не поскупился, целое купе мне выкупил. А Иван Иванович вернулся в приказ, узнал у Митрофана, что я на задание уехала, и сразу подарочек мне сообразил, вещьцу очень полезную. Мне же теперь только и остается – с блеском работу исполнить, чтоб усилия их не пропали. И шеф. Его тоже подвести никак нельзя. Обелить покойного Блохина надобно.

Трое суток я провела в приличном безделии. Для сыскаря знакомства со всяким встречным-поперечным – дело важнейшее, никогда не знаешь, где и когда тебе человек какой пригодится. Но я активничать опасалась, легенда моя пока была хлипкой, а ну кто из старожилов в беседу вступит, из Захарии Митрофановны знакомых, а я ляпну что-нибудь лишнее? Тем более, что с «жужей» мы и так без улова не оставались. Мои одинокие трапезы у ресторанного окошка с прекрасным обзором на прочих жующих и беседующих пассажиров первого класса обогатили мой вокабуляр уймой забавных словечек. Дамы говорили о модах и жаловались на прислугу, господа обсуждали векселя и закладные, а также дам. Меня в том числе. Я была кокетка, рыжая бестия, гордячка, глазищи у меня были – «во!» и прелести наличествовали. Знакомиться подходили дважды, холеный офицер и пьяненький купчик в забавном котелке. Оба раза я молча отворачивалась, как бы говоря, что общение нахожу неприличным. Кавалеры прониклись и настойчивости не проявляли,

первый класс все-таки. Вскорости я заметила, что некоторые слова могу различать и без помощи амулета. Библиотеку я тоже посетила. То есть, гостиную с приколоченным к стене книжным шкафом. Там я разжила потрепанным дамским романчиком и толстенным «Справочником городов и селений Берендийской империи» за прошлый год.

Крыжовень. О нем сообщалось буквально в нескольких абзацах. Основан на месте деревеньки Крыжа. Население четыре тысячи семьсот пятьдесят четыре человека, более половины – мещане, четверть – купечество. Прочие сословия не упоминались, хотя дворянское собрание, например, присутствовало. Центральный собор, возведенный на средства купца первой гильдии Д.Ф. Калачёва, базар с торговыми рядами, река Крыжа для большого судоходства не приспособленная, театр, построенный на деньги того же Д.Ф. Калачева, клуб для молодежи с библиотекой, городская управа, полицейский приказ, железнодорожная станция, депо, банк и биржа.

На чтение сей информации я потратила четыре минуты, а романчик даже открывать не стала. Вечером ко мне являлся вагонный, чтоб помочь раздвинуть диванчик для спального места, утром мы его складывали обратно. Лежа в постели под монотонный перестук колес я анализировала все, что удавалось узнать и подсмотреть за день.

До Крыжовеня из двух десятков пассажиров первого класса следовали лишь несколько, именно они и вызвали мой

первоначальный интерес. Сыскарское дело, кроме сбора всяческой информации, состоит и в ее отсеиве. Это важно: ухватить главную ниточку, лучше две, или три, и тянуть за них, не отвлекаясь на пустое. Иначе можешь попросту запутаться, попасть в просак, как плетельщик канатов, от которых это выражение и пошло. Отобранную ниточку звали Гаврила Степанович Бобруйский, классический берендийский купчина, возвращающийся с семейством на родину после зарубежных странствий. Семейство ресторан не посещало, но по разговорам я поняла, что для супруги купца Нинели Феофановны, двух дочерей – Машеньки и Анюты, а также горничных, гувернантки и болонки с неустановленной кличкой (ну не могут же питомца на самом деле звать «этот обморочный студень», холера или блоходав?) был оборудован отдельный прицепной вагон с клозетом и поваром. Сам Гаврила Степанович наслаждался относительной холостяцкой свободой в компании поверенного господина Чикова Сергея Павловича, брюнета лет тридцати с постоянно бегающими глазами, адвоката по фамилии Хрущ, которого иначе никак не называли, и актерской четы Бархатовых, явно затесавшихся в это общество случайно. Бархатова звали Эдуард Милославович, его жену – Дульсинея. В Крыжовене они намеревались произвести переворот в театральном искусстве, а пока служили для развлечения толстосума. Молоденькая Дульсинея звонко хохотала и не протестовала, когда ручища Гаврилы Степановича задерживалась на ее плечике, либо колене. Эдуард

же, поминутно поправляя едва сходящийся на брюшке жилет, демонстрировал карточные фокусы, или отбирал скрипку у ресторанного неклода и исполнял романсы собственного сочинения. Актеров купец нисколько не стеснялся, беседовал с клеветами свободно, чем мое внимание и привлек.

– За оградой Степашку зарыли... – звучал в моем ухе монотонный жужин бас, слова она не интонировала, толстые губы Бобруйского шевелились в такт. – Так ему и надо, ироду. Собаке собачья смерть.

– Золотые слова, Гаврила Степанович, – отвечал Чиков. – Я специально еще перед Новогодьем в приказе справлялся, дело закрыли да наверх по инстанциям отправили, комар носу не подточит.

– Хорошо, Сережа, ладно. Теперь заживем, нашего человека на блохинское место поставим...

– Ха-ха-ха, господа, что ж вы даму не развлекаете... Про дела мне скучно...

– Цыц, Дуська, уж я тебе...

Дальше было неинтересно.

За час до полудня третьего дня поезд остановился в Змевицах, здесь проходила ежегодная зимняя ярмарка и большая часть пассажиров приехала именно на нее. Я тоже вышла, чтоб размяться и опустить письмо в вокзальный почтовый ящик. Маменьке я писала еженедельно, и обычая нарушать не хотела. Вагонный предупредил, что отправление ровно в полдень, обед в два, а ужина не предвидится, потому

как, ежели в занос снежный не угодим, прибудем до шести вечера в Крыжовень. Вагонного звали Сенька, с ним единственным я удосужилась лично знакомство свести, потому что угрожать страшными карами, если слухи про мое знакомство с канцлером тайной канцелярии пойдут, так было сподручнее. Сенька побожился, что нем будет как могила.

Змеевичский вокзал меня не поразил, может от того, что мысли другим были заняты. Еще и до места не добралась, а ниточку ухватила. Может купец Бобруйский касательства к смерти пристава не имеет, однако заинтересован в ней был. Интересно, в каких числах груденя он в вояж свой из Крыжовеня отправился? А помощники его – Чиков с Хрущем, все это время где обретались? Актеров, пожалуй, со счетов спишем, явно мокошьградские шарлатаны.

Протиснувшись сквозь столпотворение к кассе почтамта, я приобрела дополнительную марку с магической меткой и, тщательно ее наклеив, опустила конверт в почтовый ящик. Надеюсь, дойдет быстро, и упрежденная матушка не встревожится, если в корреспонденции перерыв случится.

У выхода на перрон дрались. Худощавый господин, по виду коммивояжер, в узком пальто и котелке, охаживал тростью детину в овчинном тулупе. Мужик махал кулаками, и тоже не без успехов. Зеваки столпились вокруг, вытягивали шеи, подбадривали то одного, то другого, не замечая целой шайки карманников, занятой своим злым обычным делом.

– Нехорошо, – протиснулась я к постовому, со вниманием

разглядывающему мозаичное полотно, коим украшена была стена вокзала. – Беспорядки не пресекаете.

– Шли бы вы, барышня... – Куда именно мне предложили проследовать, я предпочла не расслышать.

– Куда-куда? К начальству твоему? К его превосходительству ябедничать? Драка, воровство, непотребства всякие. Или ты, служивый, со щипачами в доле?

Превосходительство я приплела наобум, но угадала, впрочем, как и про долю. Постовой дернул нагрудную цепочку, подул в свисток и, проорав: «Разойтись!», бросился в эпицентр событий. Эхом с разных сторон раздались свистки подмоги. Карманники немедленно приняли самый беспорочный вид и рассредоточились, растворяясь в толпе. Коммивояжер продолжал размахивать тростью, теперь уже на служителя порядка, его соперник отряхивал тулуп и что-то бубнил. Жужи при мне не было, поэтому именно «что-то». Тросточка наконец опустилась, постовой значительно повел рукой в мою сторону, коммивояжер немедленно обернулся. Нехороший взгляд, цепкий, я предпочла его не встретить, придержала полы шубки и пошла себе в вагон.

Каково же было мое удивление, когда за обедом обнаружила среди пассажиров первого класса давешнего драчуна, правда без тросточки и пальто, занявшего столик на одного через проход от меня. Глаза у него были карими и злыми, а неслышное бормотание, коим он сопровождал свой взгляд, полезная Жужа определила как «рыжая идиотка».

Я отвернулась. От идиота слышу! К сожалению, прощальный банкет прошел для меня впустую. Компания Бобруйского веселилась напропалую, то есть пьянствовала и вела сальные разговоры. Купец сулил веселой Дуське ангажемент, мужу ее снисходительному – должность директора театра, Чикову – чиновничьи выгоды, неклюду-музыканту – табун арлейских рысаков. Когда начались танцы, Хрущ вразвалочку подошел к соседнему столику.

– Господин Волков, – протянул он достаточно громко. – Какие люди! К нам в Крыжовень по служебной надобности, Григорий Ильич?

Коммивояжер ответил вопросом:

– А вы, сударь, хозяина дождались?

Прозвучало довольно презрительно, но Хрущ не обиделся:

– Хотите, представлю? Вдруг Гаврила Степанович карьере поспособствует?

– Хочу! – сказал Волков весело. – Уж будьте любезны.

И, поднявшись, отправился к купеческому столу. Я посмотрела ему в спину, сюртук шит у хорошего портного, на ворот сзади спадают каштановые кудри. Кареглазый шатен – мечта уездной барышни.

Как представляли Волкова я не слышала, Жужа пробасила слова Бобруйского:

– Из молодых да ранний... Люблю...

Новый знакомец уселся подле хозяина, не чинясь выпил,

закусил, отвесил комплимент пьяненькой Дульсинее. В проходе между столами плясал Хрущ с официанткой. Я решила что с меня довольно и ушла в купе.

В снежный занос мы не попали. Сенька заглянул за полчаса до прибытия, я вернула ему библиотечные книги, приложив поверх романчика рублевую ассигнацию:

– В Мокошь-град возвратишься, черкни на имя господина Зорина в чародейский приказ, что-де барышня Попович в Крыжовень добралась без приключений.

– Будет исполнено, – обещал парень, скорчив мину крайней таинственности.

Станция была конечной, поезд после отправлялся в депо и через ночь возвращался на обратный маршрут. Поэтому выходить я не спешила, дождалась, пока схлынет толпа, кликнула с перрона носильщика, попрощалась с Сеней.

– До свидания, Евангелина Романовна, – поклонился он чуть не до земли, – обратно поедете, всенепременно в мой вагон билет возьмите.

– Ох нескоро это будет, – улыбнулась я, – а понравится здесь житье у тетушки под боком, так и жить останусь.

– Передавайте тетушке наше нижайшее почтение. – Парень мне подмигнул.

Вокзал Крыжовеня был раза в четыре меньше, чем у Змевичей, уездной столицы. Был он добротнo-кирпичным, но состоял лишь из одной просторной шатровой залы, насквозь продуваемой ветрами. От арочного входа, придерживаемого

белоснежными колоннами, спускались к площади мраморные ступеньки. Перфектно! Они бы еще ледяной каток в этом месте залили. Мрамор хищно блеснул в фонарном свете, суля ушибы с переломами каждому, кто рискнет на него ступить. Извозчиков на площади не наблюдалось, то есть во множественном числе. Сани были одни, и за них сейчас шла форменная баталия.

– Кузьма сызнава театру себе разыгрывает, – сплюнул на ступени носильщик, слюна моментально замерзла. – Давайте-ка, барышня, с того вон боку выйдем.

С «того вон боку» от лестничной площадки отходили дощатые мостки, оказавшиеся вовсе не скользкими, а площадь заканчивалась глухой кирпичной стеной. На расчищенном от снега пятачке под фонарем обильно чернели лошадиные кучи. Я положила руку на рукоять револьвера, спрятанного в муфте. Выхватить не успею, стрелять, если что, придется сквозь мех.

– В лучшем виде все устроим, барышня, – пообещал носильщик, как мне показалось, зловеще, и поставил сундук прямо в льдисто хрустнувший навоз.

Донесся звон колокольцев и визгливый лай, из-за угла показалась тройка, запряженная в сани, заложила вираж и скрылась, за ней маневр повторила еще одна и еще. Я рассмотрела купца Бобруйского, его клеветов, каких-то закутанных в меха дам. Семейство Гаврилы Степаныча воспользовалось личным транспортом. Четвертые сани были одно-

лошадными, без перезвона, и, кроме возницы, в них никого не было.

– Ну вот, барышня, – носильщик вытянув руку, поклонился, – все в лучшем виде.

Я выпустила револьвер и достала из муфты денежку за услугу, подумала и прибавила полтинничек сверх.

– Благодарствую.

И мужик испарился, передавая заботу о моем багаже в другие руки.

– Губешкина? – переспросил бородатый извозчик, подтаскивая сундук к багажной полке. – Гадалка которая? Конечно, знаю. Это нам на Архиерейскую улицу надобно.

– Архиерей у вас обитает?

Ответа я не получила, по мосткам гулко затопотали и к саям ринулся господин Волков, размахивая тростью, в другой руке болтался саквояж.

– Вдвое плачу, поехали.

– Простите, – заступила я дорогу, – пассажир уже здесь.

Тросточка описала дугу, не успею я отклониться, она ткнула бы меня точно в солнечное сплетение.

– После, барышня, обождете. Я спешу!

– Багаж крепи, – велела я вознице, а нахалу веско сказала. – Подождете как раз вы.

Он словам не внял, размашисто шагнул, намереваясь столкнуть меня в сугроб, я ушла с линии движения и поставила подножку. Волков рухнул лицом вниз.

– Это вас бог наказал, – сказала я карамельно, а после деловито кучеру. – Поехали, любезный, я тоже спешу.

Голень ожгло болью, лежащий хлестнул мне тростью по ногам. Я даже не вздрогнула, не разломала деревяшку, чтоб засунуть ее по очереди в разные отверстия поверженного соперника. Как говаривал мой достойный учитель Ямота-сан: «Истинного самурая отличает снисходительность». Поэтому я молча села в сани, расправила на коленях меховой полог и велела трогать.

Захария Митрофановна обитала в деревянном домике с палисадом и оказалась именно такой, как я себе представляла по рассказам приказного секретаря. Представляла Губешкина неклюдку, куталась в цветастую шаль, звенела браслетами, играла черными очами и крашенными в вороново крыло локонами. И чучело нетопыря имелось заместо потолочной люстры. А еще в доме проживала прислуга лет пятнадцати на вид по имени Дуняша, устроившая, несмотря на юный возраст, такой обстрел глазами моему извозчику, что мужик все не хотел уходить.

Нога болела, свое представление я отыграла без огонька, и присела к столу с облегчением. Завтра, все завтра. Мне бы лечь, да конечность повыше пристроить, чтоб кровь отлила. Синяк там, наверное, преизрядный, холод прикладывать поздно, авось само заживет. Чтоб отвлечься от боли, я разобрала и собрала револьвер. А гадалка-то его в муфте сразу углядела. Вострая тетка. Дуняша накрыла на стол, я

с аппетитом откушала, не забывая поддерживать разговор. Помощь в сыском мероприятии мне, разумеется, пообещали, я даже свеженький блокнот достала, чтоб наживо записывать, но провидица Зара вдруг надумала сперва на картах мне гадать.

В гадание я не верила, то есть абсолютно, но и возражать не стала. Ничего нет хуже для доверительных отношений, чем обесценить дело, которым собеседник твой увлечен, которым на жизнь зарабатывает. Колода оказалась вовсе не игровой, то есть масти в ней были, и картинки, только не зеркально отраженные на половинках, а просто рисунки: человеческие фигуры, закутанные в плащи, некоторые с коронами, позолоченное дерево, смерть с косой, змея, кусающая себя за хвост. Я послушно сдвигала колоду левою рукой по направлению к себе, вытаскивала картонки рубашкой вверх, повторяла процесс после того, как расклад мою сивиллу не удовлетворил, и она кликнула Дуняшу в помощь.

– Ну что скажу тебе, Гелюшка, – Захария Митрофановна ткнула длинным пальцем в стол, – не выгорит у тебя.

– Что именно? – зевнула я украдкой.

– Дунька, – велела хозяйка, – стели барышне постель в той горенке, что окном во двор.

А когда служанка ушла, наклонилась над столом:

– У тебя, барышня Попович, сейчас такая оказия приключилась, что ты будто по ниточке над полыньей шагаешь, и хочешь там подольше задержаться, чтоб выбора не делать.

Этого не выгорит, сама не решишь, решат за тебя. Король при тебе есть червовый, любовный стало быть, интерес, ногами тебя попирает, стало быть положением выше.

– Ну вот пусть он и решает, – разрешила я благостно, близость постельки меня занимала гораздо больше.

– У него своя ниточка, – гадалка покачала головой, – только если под тобою бездна ледяная, под ним огненная. Соперница твоя подле него сейчас, одной с ним масти. Ты-то явно бубна. Ох-хо-хо, что ж у вас там за котовасия. Вверх тор-машками черва легла. Пиковый еще есть, видишь, с венцом на голове, стало быть патриций, и валеты с ним – прислужники, смотри, от этого, бубнового меч в бок торчит, значит опасность.

– Мне? – я уже порядком запуталась в персонажах.

– Не тебе, патрицию, тебе наоборот нежную страсть.

– От патриция?

– От валета.

Она еще говорила о каких-то зверях-помощниках, о смерти, которая при огненном коте, о любви, о родственниках, о служебных неприятностях, о сломанном каблуке, о разбитом сердце и ополовиненном кубке.

А я корила себя за то, что вообразила себя яматайским самураем, и не засунула поганую трость поганому Волкову в самое неприличное место, нога болела просто до слез.

Глава вторая, в коей происходит разведка на местности, обыск, розыск и арест

«Карта Баиня указывает на особый стиль жизни, связанный со стремлением вверх. Вы будете ставить перед собой грандиозные планы, действовать несмотря на трудности».

Таро Марии Ленорман. «Руководство для гадания и предсказания судьбы»

У Эльдара Давидовича на вечер были планы для него обычные – свидание с дамой, но он его отложил, дождался на перроне, пока поезд на Крыжовень тронется, одновременно любуясь тем, как страдает Крестовский. Семену вовсе не хотелось сейчас разделять скорбь подруги детства, он поминутно оглядывался на задернутое шторкой окно гелиного вагона. Молодец Попович, кремень-девка, не стала сантиментов разводить, четко границы обозначила. Вот здесь, шеф – наши личные отношения, а тут – служебная надобность. Головина все рыдала, вагонные проводники загрохотали дверьми и ступенями, последние припозднившиеся пассажиры едва успевали вскочить на подножки. Семен Аристархович проводил поезд долгим взглядом, Мамаев же, решив что миссия его окончена, поспешил уйти.

– Эльдар Давидович, – позвал Крестовский, – обождите меня, вместе в приказ вернемся.

Сыскарь ругнулся про себя, но покорно остановился. Семен поклонился Головиной, вручил букет противных будто восковых цветов:

– Явлюсь к вам с визитом, Ева Георгиевна, при ближайшей возможности, чтоб сызнава принести соболезнования вашей утрате.

– Ах, Сеня, – вздохнула вдовица, – ты как лучик солнца в беспросветной тьме, что окружает меня нынче.

Брют предложил ей руку колечком и графиня удалилась, сопровождаемая, кроме свиты канцлера, четверкой своих горничных.

– Присутственное время кончилось, – предупредил Эльдар начальство. – Поэтому давай ты меня на ходу обругаешь, чтоб я на встречу с дамой не опоздал вовсе уж неприлично.

– Обойдешься, – хмыкнул Семен, – и страдать будешь вместе со всеми. Дама у него, фу ты ну ты. Я нынче соломенный вдовец, ты, верный друг, мою беспросветную тьму будешь развеивать как солнечный зайчик.

– Как лучик, – тоненько пропищал Эльдар и добавил совсем уж глумливо. – Сеня-а!

Крестовский рассмеялся и хлопнул его по плечу:

– Ваньку сейчас, другого нашего соломенного вдовца, из приказа заберем, он в последнее время чуть не до ночи в кабинете засиживается, да отправимся кутить.

Мамаев подумал, что дам в Мокосшь-граде еще много.

Зорин сидел за своим столом и встретил друзей рассеянным взглядом.

– Колдовал? – Семен сдернул с вешалки иванову шпатель. – И, судя по всему, презрительно. Собирайся.

Иван Иванович противиться не стал, движения его были преувеличенно осторожны:

– Да Гелюшке давно амулет один обещал исполнить, он как раз ей в Крыжовене пригодится.

– Амулет? – Крестовский покачал сокрушенно головой. – Сначала в побрякушку силы лил, а после по ветру Попович отправил? Ванька, ты в обморок сейчас брякнешься.

– На воздухе полегчает.

На воздух Ивана Ивановича выводили под руки, он запрокинул к небу бледное лицо и поймал губами снежинку:

– В баньку бы сейчас, да чтоб веником березовым отхлестали.

Крестовский друга поддержал:

– Либо можжевельным.

– Могу предложить розги, – хмыкнул Мамаев, – немедленно и даже мокрые.

Его обозвали басурманином, поспорили, где именно пар жарче да банщики рукастее, пришли к выводу, что мокошьградские бани – одно расстройство, посему души не успокоят, и решительно отправились в ближайшую ресторацию.

Эльдар по дороге отлучился ненадолго, чтоб дама попусту

его не ждала, и, когда присоединился к друзьям за накрытым столом в «Жарю-парю», те уже изрядно захмелели.

– ...даже не попрощался, – говорил Ивану Крестовский, – болонку Брюта отыгрывал.

– О Геле разговор? – присел Мамаев, кивая разносчику, чтоб принес ему квасу. – Она, кажется, затруднения твои поняла.

– Лучше б не понимала, – криво улыбнулся Семен, – лучше б сцену ревности устроила, Головиной в волосы вцепилась, или мне.

– Африканских страстей возжелалось?

– А если бы и так? – горячился Крестовский. – Если мне надоело таиться? Как дети малые, право слово, любое словечко с оглядкой, что люди подумают. Надоело. Канцлер еще этот яд в уши льет. Ах, Семушка, послушай старика, не мальчик ты уже, о семье пора задуматься...

– Партию какую тебе присмотрел? – Если бы собеседники Мамаева были чуть более в форме, тон этого вопроса заставил бы их насторожиться. – Родственницу свою дальнюю?

Ответить Крестовский не успел, Иван вдруг хлопнул себя по лбу:

– Вспомнил, на что аркан твоего Блохина покойного похож.

– На что же?

– Посмотреть еще надобно... Эх, жаль, письмо в приказе осталось. Вернуться? Не к спеху, если я прав, Гелюшке это

все одно не пригодится.

– Что за амулет ты ей изготовил? – Выслушав ответ, Семен изобразил аплодисменты. – Bravo! Попович этим преимуществом воспользоваться не преминет.

– Думаешь, сдюжит?

– Уверен. Давай теперь про рунные плетения рассказывай.

Беседа со страданий сердечных свернула в служебное русло, и задуманной душевной попойки не получилось, Эльдар не раз пожалел о несостоявшемся свидании с очень дальней родственницей Юлия Францевича.

За ночь щиколотка распухла и в ботильон помещаться не желала. Перфектно! И что теперь делать прикажете? Часики тикают, а работа на месте стоит? По уму мне с такой неприязнностью дней пять в постели с задранной ногой лежать надобно.

– Валенки? – предложила Дуняша жалостливо. – И Антипа с санями сей момент кликну.

– Давай валенки, – я вызвала в памяти накарябанный по объяснениям хозяйки план города. – А с извозчиком погоди, до главной площади, на которой все присутствия расположены меньше квартала, ежели с Архиерейской на Чистую свернуть, так вообще рядом.

– Лучше не на Чистую, – служанка протянула мне обувку, – а в Сапожный проулок.

– После мне надо посмотреть квартиру, где покойный

Блохин проживал.

– Так при приказе казенка за ним была, на верхнем этаже.

– Ты лично его знала?

– Куда нам, – хихикнула Дуняша. – Степан Фомич по другим девкам выступал.

Она оглянулась на запертую дверь хозяйской спальни, Захария Митрофановна, как я уже знала, почивала обыкновенно до обеда, и продолжила шепотом:

– По продажным, в веселый дом хаживал.

– Неужели? А постоянная дама сердца у него была?

– Почему я знаю, – шмыгнула Дуняша носом, – только ходок он был знатный, многие барышни не прочь были бы с ним закрутить, особенно после газеты.

– Какой еще газеты?

Вчера я попыталась расспросить о Блохине хозяйку, но та лишь отнекивалась, знакомства с покойным приставом не водила, услугами ее он не пользовался. Я ей не поверила, но решила пока не давить. Успеется.

– С портретом! И прямо под портретом написали: его благородие Блохин С.В.

Ни названия газеты, ни точного времени публикации Дуняша припомнить не смогла, год назад, или раньше. Это было досадно, мне хотелось представить внешность объекта.

– В храме посмотрите, – сказала девушка. – Эту карточку господин Ливончик у себя выставил.

– Где? – растерялась я. – В храме?

– У торговых рядов вот такенными буквами вывеска: «Фотографический храм искусств Ливончика».

Дуняшу я поблагодарила, отметила про себя, что девушка не глупа, и будет полезна. А еще заметила, что обувь Захарии Митрофановны, стоящая в сенях, принадлежит вовсе не домоседке, которой хозяйка накануне мне представилась. Каблуки сточены от постоянной ходьбы.

Крыжовень при свете дня оказался городком богатым и своим богатством кичащимся. Собор блеснул золочеными куполами, лавки хвастались вычурными вывесками, добротные фонарные столбы украшало кружево ковки, а немногочисленные прохожие одеты были нарядно, с преувеличенным провинциальным шиком. В валенках была лишь я да деревенские тетки, торговавшие с дощатых лотков продуктами личного хозяйства. Я прохромала по периметру главной площади часа за полтора. Из распахнутых настежь дверей биржи вырывались клубы пара и возбужденные голоса, я туда заглянула, с десяток мужчин махали друг на друга бумажками. Вот ведь бывает такая служба суматошная.

Вывеска «Фотографический храм искусств Ливончика» написана была «вот такенными буквами», но в пять строчек. Салон располагался в столь узком домишке, затиснутом с двух сторон другими зданиями, что даже слово «фотографический» пришлось разбить переносом. В витрине были выставлены с десяток портретных карточек, морозные узоры на стекле осмотру мешали, я чуть не носом в него уткнулась.

Не то. Все не то. Какие-то декольтированные дамы, детишки с дорисованным румянцем, котята в лукошке, бравый гусар, нашивки не о чем мне не говорили, и я решила, что костюм маскарадный.

– Могу чем-нибудь помочь прелестной барышне? – колокольчик на двери звякнул и худощавый средних лет гнум в сером сюртуке повел приглашающе рукой.

– Господин Ливончик? – улыбнулась я. – Примите восхищение вашим талантом.

– Желаете портрет?

Я прикинула наличность, к приказному казначею перед отъездом забежать не успела, так что рассчитывать могу только на свои сбережения. Гнум небольшую заминку воспринял однозначно:

– Я вас умоляю, барышня! Оставьте мысли о презренном металле, хорошеньким женщинам они не к лицу, Ливончик даст вам скидку, ваша карточка станет украшением гостиной для многих поколений ваших отпрысков, молодой человек, которому вы вздумаете ее подарить, немедленно падет на колени и предложит все богатства мира!

– Скидку? – переспросила я, ухватив главное.

– Ну вот опять! – он всплеснул короткими ручками. – Не думайте о деньгах.

Торговались мы вдохновенно, сперва на улице, пока фотограф окончательно не замерз, после переместились в салон, темную комнатку с аппаратом на треноге и драпи-

рованной глухой стеной. Слегка отогревшись, гнум огласил прейскурант, я изобразила обморок.

– Я вас умоляю! – хмыкнул Ливончик, дамскими обмороками его было не пронять. – Вы, барышня, через фотографию обретете бессмертие.

– И голодную смерть.

– Да сколько вы там едите.

Сошлись на полцены от прейскуранта.

– Довольны, барышня? – гнум вытер платком вспотевший лоб.

– Маэстро Ливончик, – улыбнулась я ангельски, – теперь, когда сумма обозначена, самое время обсудить обещанную скидку.

Фотограф спросил, не желаю ли я, чтоб мне еще и заплатили, сказал, что я режу его без ножа, обозвал плохим словом, которое я не должна была понять, однако же поняла, поэтому покраснела. Мне поведали о бедственном положении, в котором по моей вине окажется семейство Ливончиков, местная гнумья община, город, а вскорости и вся Берендийская империя. Я слушала со вниманием, но молча. Торговаться со своими соплеменниками меня учила матушка, в девичестве носившая фамилию Вундермахер, и сейчас я явно побеждала. Фотограф спускал пар, мешать ему не стоило. Ах, матушка, как же я по тебе тоскую!

Ливончик выдохся и мы ударили по рукам. Я присела на табурет у драпированной стены:

– А мужчин вы тоже запечатляете? Военных, к примеру, или полицейских чиновников?

– Что? – гнум поднял голову от аппарата. – Разумеется, в самом парадном виде. Если пожелаете жениха, или... Замрите! Вот именно так.

Он нырнул за треногу, укрылся черным мешком:

– Раз, два, три. Сейчас вылетит птичка!

Раздался щелчок, мгновенный ослепляющий свет нестерпимо полыхнул.

– Готово.

Я проморгалась, смахнула набежавшие слезы.

– Благодарю. Оплата сейчас, или при получении заказа?

– Сейчас, – решил фотограф и опять произнес плохое слово, развязно мне подмигнув. – Це-це-це... Сызнова барышня покраснела? Экая неожиданность. Ну, раскрасавица, признавайтесь, кто вас гнумскому учил.

– Матушка, – протянула я деньги, – то есть, мачеха.

Он заинтересовался, спросил, из какого родительница рода, да как ее угораздило за человека замуж пойти, да не представлю ли я ей его, такого замечательного холостого Ливончика.

Я отвечала, что оружейный клан Вундермахеров, что с бабушкой они сошлись по любви, и что представить не получится по причине постоянного проживания матушки в Вольской губернии, но я непременно в письмах расскажу родительнице о замечательном холостом Ливончике.

– Соломон, – представился «будущий отчим», – Леевич, можешь по-родственному дядя Ливончик звать, или Соломоном.

– Евангелина Романовна, – пожала я протянутую руку, – Попович, зови Геля.

Матушкиного имени не произнесла, у гнумов заочных знакомств не принято. Это наше второе рукопожатие было не сделкой, а знаком дружбы, меня допускали в семью. Разумеется, серьезных матримониальных планов мой визави не строил, скорее, выказывал в моем лице уважение Вундермахерам. Но я отныне могла быть уверена во всяческой его поддержке и в скромности, ибо что сказано в семье, в ней и остается.

– Так что там с твоим военным? – Ливончик принялся колдовать над коробкой аппарата. – Приводи, коль нужда есть, в лучшем виде сделаю. Или про жениха так, для отвода глаз?

Я потупилась в притворном смущении:

– Для отвода. Меня Блохин Степан Фомич интересовал. Твое ведь фото в газете печатали?

Соломон не удивился, кивнул:

– Хороший портрет, я его на витрину выставил, до того хорош, в сечене только снял, чтоб покойниками клиентов не распугивать.

Гнум пересек комнату, отодвинул драпировку, порылся на полке:

– Вот, любуйся.

Пристав был неожиданно молод, почему-то я воображала его себе кряжистым дядькой средних лет, с карточки же на меня смотрел кудрявый блондин в полицейском мундире с темными бровями вразлет и подкрученными на концах усиками. Ему было не больше тридцати.

– Продашь? – подняла я глаза на фотографа.

– Так забирай, – махнул он рукой, – все равно толку с нее теперь никакого. А раньше-то гуляет кто по рядам торговым, на витрину посмотрит, да отправляется в цирюльню по соседству, чтоб под пристава завили да постригли.

– И с каждой такой куафюры тебе процентик? – усмехнулась я.

Гнум вздохнул:

– Одно разорение. А тебе наш самогубец на что сдался?

– Задание, – я тоже вздохнула. – Меня начальство прислало его смерть расследовать.

– Из Змеевичей?

– Бери выше, Мокошь-град, чародейский приказ. Я, Соломон, сыскарь.

Он не удивился особо, гнумы снобизму по отношению к слабому полу не подвержены. Ну ахнул разок-другой восхищенно, просто чтоб мне приятно было.

– В управе была?

– Нет еще, хочу сперва осмотреться что к чему, прибыла накануне тайно, поселилась на Архиерейской у Губешкиной.

Гнум брезгливо поморщился:

– Поганая баба. Так говоришь, смерть расследовать? Начальство думает, не все чисто с нашим повешенным?

– А что думаешь ты?

– Я...

Колокольчик тренькнул, в салон вошла дама с ребенком за руку и господин в бобровой шубе, сразу стало тесно.

– Добро пожаловать! – расплылся в улыбке фотограф, а мне шепнул. – Работа сама себя не сделает, вечером приходи, часам к семи, тогда и поговорим.

Я попрощалась и ушла, спрятав в карман под шубой карточку пристава.

У вывески полицейского приказа стоял постовой с шашкой на поясе. Два этажа, верхний жилой, на окнах цветы в горшках и занавески. Отдельный вход. Его не видно, но он непременно есть. Скорее всего жильцы поднимаются к себе по лестнице, скрытой от меня фасадом. Квартиру Блохина нужно непременно осмотреть. Я походила между торговыми рядами, будто прицениваясь к желтым куриным яйцам и потрошенным тушкам, купила у лоточника теплую еще ватрушку, с удовольствием ее съела. В присутствие входили и выходили посетители и служащие, отличающиеся от штатских по мундирам. Постового сменил другой, они немного поболтали, потом первого окликнула женщина в беличьей шубе, передала ему какой-то увесистый сверток и они скрылись за обшитой деревом аркой. За пяточок я купила у румяной кре-

стьянки кружку молока и неторопливо ее выпила. Молоко было уже стывшее и не особо вкусное. Пора. Я вернула хозяшке кружку, картинно охнула, пересекла улочку, сильно припадая на покалеченную ногу, прислонилась к стене. Никто на меня не смотрел, неподалеку начал представление шарманщик с ручной обезьянкой на плече, публике нравилась обряженная в шубку и шапочку животинка. Я юркнула под арку, быстро прошла по узкому проходу между стенами домов, завернула за угол. Деревянная лестница оказалась именно там, где я предполагала.

Забавно, но задняя сторона нарядного снаружи здания выглядела прескверно. Облупившаяся штукатурка, трещины в деревянных наличниках, завалы хлама у стен. Да чего там у стен, барахла даже на лестнице было столько, что для передвижения оставалась лишь узкая тропинка. Поднималась я с таким видом, будто так мне и положено, таиться и осторожничать в таких делах, только ненужное внимание привлекать, толкнула утепленную дерматином дверь. Коридор освещал одинокий потолочный светильник еще с лета засиженный мухами (может и не с прошлого даже лета), воняло квашеной капустой, прогорклым жиром, котами и сапожной мазью. Одинаковые крашенные масляной краской двери квартир табличками снабжены не были. Зато у некоторых порогов среди прочего хлама лежали детские сапожки, либо совочки с пасочками, или вовсе салазки. Эти двери я пропускала сразу, а потом заметила квартиру, вход в которую

был попросту завален. Эк оно за два месяца заросло, что погост бурьяном. Я сдвинула стопки перетянутых бечевкой газет, прохудившийся таз, неожиданно тяжеленную шляпную картонку и связку подгнивших с одного боку деревянных рек. Дверь была, разумеется, заперта, но меня это, разумеется, остановить не могло. Обыкновенный гнумский замок щелкнул от поворота шпильки (да, они у меня не простые, спасибо дорогому другу Марку Гирштейну и его золотым неординарным рукам), я вошла в квартиру, прикрыла дверь, сняла шубу и шапку, свернула тюрчком, чтоб не мешали, надела чародейские очки и приступила к обыску.

Здесь было по-военному чисто, узкая койка в спальне аккуратно застелена одеялом верблюжьей шерсти, на плечиках гардероба висят два отглаженных мундира, обувь вычищена и набита смятыми газетами от сырости. По уму надо бы все эти катыши вытащить и расправить, но времени могло не хватить. Я обыскала спальню, прощупала матрац и подушку, заглянула под кровать и ощупала каркас. Ничего. Я отправилась на кухню. Чистота и порядок. Разномастная посуда расставлена в шкафчике, жестянки для сыпучих продуктов, так и вообще, по росту, как на плацу. Стало быть, коллеги Блохина обыском здесь не утруждались, а сам он прибрался и ушел вешаться? В одной жестянке был сахарный песок, в другой – дорогой листовой чай, в прочих – обычные при готовке перец горошками, лаврушка, крупная кристаллическая соль. Во все эти субстанции я опускала пальцы, но

ничего необычного не обнаружила, пристав, видимо, тоже знал, что именно здесь в первую очередь искать будут. Жестянки я вернула на место, стараясь, чтоб они заняли свои, свободные от пыли, квадратики. Первая находка оказалась в холщовом мешочке с кофейными зернами – обернутый в дерюжку револьвер. Был он в кожаной тисненой кобуре, длина сбруйных ремней позволяла бы носить его под мышкой. Я примерила. Женщине бы позволяла, или юноше-подростку. Само оружие тоже было скорее дамским: карманный безкурковый «Метеор». Пятизарядный, никелированный, украшенный мелким растительным орнаментом и перламутром на рукояти.

– Легкая разборка, доступная чистка, большое проникновение пули при сохранении верности цели, – пробормотала я себе под нос, – вес шестьдесят золотников, цена пятнадцать рублей, предъявителю объявления по адресу Мокошь-град, улица Караванная, «Оружейная лавка Никифорова» – двенадцать с полтиной.

Статейки в газетах я тоже запоминала. Зачем Блохину сдалась эта игрушка? Даме сердца подарить? Значит, она все же была, и, кажется, нуждалась в защите.

Поверх перламутра крепилась бляшка с гравировкой: вензельными «Н.Б.» Наталья или Надежда? Нонна? Нечего сейчас гадать. Оружие было в порядке: чистое, пахло смазкой и едва заметно – порохом. Пристав его явно пристреливал, прежде чем в дамские ручки передать. Я отщелкнула бара-

бан, все пять гнезд заняты. Пристрелял, почистил, зарядил. Аккуратный мужик. Я посмотрела сквозь очки. И подчардел немножко, на патронах мерцали руны.

Перфектно. Не зря в квартиру полезла.

Револьвер я вернула где взяла, в кофейный мешок, обстучала кухонную мебель и стены, прошлась по половицам, а ну скрипнет какая, тайник тем самым выдав?

А ведь ты, Геля, дурында, как есть дурында. О сердце своем поцарапанном заботилась, на вокзал побежала, а надо было Крестовского дожидаться и о Степане этом Фомиче с страстием допросить. Тогда бы ни молодость Блохина, ни аккуратность тебя не удивили. Нет, все правильно. Сейчас ты непредвзята, именно так и нужно для дела.

Рутинно обыскав оставшиеся помещения, я больше ничего любопытного не обнаружила, ну разве что у клозетного бачка отсутствовала цепочка. В бачок я посмотрела, взобралась по стремянке, рукава закатила да пошарила в мокрой глубине. Обрадовалась, когда пальцы нащупали какую-то гладкую вещицу, но она оказалась фаянсовой ручкой от этой самой цепочки, и даже чародейских рун на ней не было. Вернув все как было, вытерла руки своим носовым платком и прошлась еще раз по всем комнатам. Ни-че-го. Можно было уходить.

По берендийскому обычаю, я перед дорожкой присела на краешек стула. Хороший обычай, правильный. Посидеть, помолчать, вдруг что забыла.

– Ох! – вскочив, я хлопнула себя по лбу. – Окна, ну конечно!

Их было всего три, и изнутри мною уже исследованы. Но ведь есть еще внешние водоотливы, некоторые хозяйки обожают зимой выставлять на них скоропортящиеся продукты. Окно гостиной выходило на парадную улицу. Подле него я была осторожной, просто выглянула, спрятавшись за шторой. Отлив там был узенький, обледенелый. С двумя оставшимися можно было не церемониться, распахивать створки настежь, то есть в спальне, кухонное окошко оказалось наглухо заколоченным, и сметать наружу скопившийся снег. В нижнюю планку рамы был вбит гвоздь, к нему крепилась цепочка, видимо та самая, пропавшая клозетная, частично вмерзшая в наст, я потянула ее на себя, схватила привязанный к последнему звену полотняный мешочек. Старый потертый кисет, похож на солдатский, вышит гладью розами и сердцами. Растянув шнурок, я достала свернутый трубочкой лист бумаги. От мороза он совсем заледенел, поэтому разворачивать его немедленно я побоялась. А ну как хрустнет? Бумагу я спрятала в поясной кармашек, а кисет выбросила за окно болтаться пустым.

Теперь точно все. Мне оставалось лишь скрыть следы своего присутствия. Закрыв раму, я протерла влагу с подоконника носовым платком, поправила шторы и пошла одеваться.

Это я успела, и даже спрятала свои чародейские очки в

специальный футлярчик. А вот уйти, нет.

Бесполезно скрежетнул обычный ключ в обычном замке, в коридоре чертыхнулись, сразу извинительно пробормотав:

– Сей момент, ваше высокоблагородие, не извольте беспокоиться.

– Здесь не заперто, – сказал некто знакомый с ледяным высокомерием, – в этой вашей чудовищной клоаке.

И дверь распахнулась от резкого удара.

Я посмотрела на мужчин. Младший полицейский чин перекрестился ключом, «коммивояжер» Волков протянул:

– Так, так.

Одет он был, как и давеча, партикулярно, поэтому я улыбнулась петличке младшего чина (коллежский регистратор, четырнадцатый класс) и почти пропела:

– Ваше благородие, какая волшебная удача! Вы его уже арестовали!

Регистратор поморгал, раскрыв рот. Волков собрался что-то сказать, я видела уголком глаза, поэтому перебила:

– Барышня Попович, Евангелина Романовна, гощу в Крыжовене у тетушки. Вчера подверглась нападению, – я опасно кивнула, – этого вот господина, и нынче же, проплакав всю ночь, явилась в приказ, чтоб заявить.

– Так присутствие же, – младший чин показал ключом вниз, – там.

– Неужели? – всплеснула я руками и хихикнула. – А я-то

сiju, сiju, жду, пока кто-нибудь подойдет ко мне, чтоб жалобу принять, чуть не задремала. А здесь, оказывается, и не управа вовсе? Вы уж простите, ваше благородие, мою рассеянность. И примите благодарность, и восторги. Как скоро вы этого разбойника арестовали! Чудо, истинное чудо!

– Разбойника? – лепетал регистратор.

– Разумеется, разбойника! Он давеча ногу мне палкой покалечил. Показать?

Раздвинув полы шубы, я поболтала в воздухе валенком. Карие глаза Волкова рыскали по сторонам, он искал следы того, чем я здесь занималась, его спутник же с сомнамбулическим видом не отводил взгляда от валенка. Балаган следовало прекращать.

– Надеюсь, – опустила я ногу и шагнула к младшему чину, – вы его примерно накажете. Пожизненная каторга, не меньше. Спасибо, ваше благородие, от лица всех пострадавших женщин Берендийской империи! Молиться за вас буду.

Я зарыдала, сделала вид, что сейчас брошусь целоваться, замерла, будто не в силах совладать с чувствами и, хромя, выбежала из квартиры.

Меня не преследовали. Я скатилась по деревянным ступеням и только под аркой немного замедлила шаг.

Наследила ты, Геля, изрядно, да еще полицейского в Волкове вчера не угадала. Досадная оплошность, теперь филером под управой слоняться никак не получится.

У биржи я поймала за ворот какого-то лохматого пацана:

– На рынке промышляешь?

– Чего надо, тетенька? – всхлипнул он, раскрыв по-жабьи рот. – Не я это, Христом богом!

– Во-первых, – наклонилась я к рябому уху, – ты, а во-вторых, наказывать за это не буду.

– Так отпусти тогда, – предложил мальчишка деловито.

– Сбежишь ведь, и пяточка за услугу не получишь.

Денежку ему хотелось. Я повторила первый свой вопрос, получила утвердительный ответ.

– Зовут как?

– Мишка Ржавый.

– Четверть часа тому из управы выходил высокий темно-волосый мужчина... – я запнулась.

Глазки базарного карманника смотрели на меня с брезгливым недоумением. Ну что ты, Геля, право-слово, кисейную барышню из себя изображаешь? У этой публики совсем иной вокабуляр.

– Фраер залетный, – поправилась я хрипло и развязно, – смазливый такой, аршина два с половиною дылда. Нешто не заметил? Котлы у него еще серебряные, воротник бобровый, тросточка.

– Котлы? – заинтересовался щипач. – Я только цепуру разглядел.

– Какие твои годы, научишься, – покровительственно кивнула я. – Так что за фраер?

– Пяточка мало.

Я поморщилась, денег ему мне было не жалко, только все равно их у него старший немедленно отберет.

– На пирожок хватит, – показала я на лоточника и протянула Мишке монетку. – Давай, не томи.

– Среди фартовых слухи ходят, – с гордостью сказал пацан, – что на место Степана Фомича из Змеевичей нового полкана прислать собираются.

– Степана Фомича? – хмыкнула я недоверчиво. – Экое уважение.

– Потому что хороший человек был, с пониманием, нас, мелочь, не щемил особо, а за безобразия укорот давал. Про пришлого этого сказывают, зверь лютой, уж сколько честных фартовых от него в уезде пострадало. Волков его фамилия.

Я достала еще монетку:

– Сказывают, пристав ваш покойный в веселый дом хаживал? Какой именно?

Мишка жалобно посмотрел на мою ладонь:

– Ты это... Звать-то тебя как?

– Геля.

– Деньгу спрячь, ладно? А хочешь вызнать чего, в трактир пошли, я страсть какой голодный.

Скрывая почти болезненную жалость к этому маленькому неустроенному существу, я деловито кивнула:

– Оплачу разговор обедом. Только давай местечко подальше от площади поищем, не охота твоим подельникам светиться.

Мы побрели от торговых рядов, болтая как старинные приятели. Фамилия рыжего Мишки была Степанов, лет ему было двенадцать и последние четыре он провел скитаясь по изнанке нарядного снаружи Крыжовеня. Дело обычное. Единственный ребенок в семье, батя мелкий лавочник, маманя на хозяйстве, вроде не до жиру, но все же кусок хлеба и на хлеб что-нибудь положить, сласти и конфеты по праздникам, начальная школа, книжки с картинками. А потом все кончилось. В одну страшную ночь ворвались в лавку лихие люди и забили батю палками до смерти. Мишка этого не видел, мамка в чулан его спрятала, за бочки с капустой. Мишка слышал звуки ударов, истошный крик матери, гогот разбойников. А наутро, когда удалось выбить дверь чулана и выйти к родителям, нашел их на полу. Отец был мертв, а мать прожила еще девять дней и ушла вслед за мужем. Дальняя родня быстро поделила оставшееся имущество, определив отрока Степанова в местный приют.

– Так ты приютский? – спросила я. – Отчего же на базаре промышляешь?

Мишка посмотрел на меня как на умалишенную:

– Начальница так определила. Думаешь, можно просто так в торговые ряды выйти, да щипать в свое удовольствие?

– Сиротский начальник?

– Ты, Геля, будто на другом свете живешь! Барыня директриса наша, каждое утро на промысел нас выпускает, а на закате выручку в амбарную книгу записывает.

Это было настолько чудовищно, что слов у меня не находилось. Хотелось немедленно взять револьвер и вынести мозги приютскому начальству. К несчастью, оружие осталось на квартире Губешкиной. Может, сбегать? Мишка моего состояния не замечал:

– Степан Фомич собирался всех здесь на чистую воду вывести, только тоже помер.

Мы как раз проходили мимо большой ресторации, вывеска гласила «Филе-миньон. Французский повар маэстро Шарль Монтегю».

– Зайдем? – предложила я и взяла за руку оробевшего пацана.

Швейцар посмотрел на Мишку, на мои валенки.

– Парле ву франсе? – хихикнула я. – Знаю, что не парле ни разу, поэтому двери нам, мил человек, распахни.

Зал ресторации был пуст и вопиюще безвкусен. Я выбрала столик у окна, сбросила шубу на руки официанта:

– Доброго денечка, любезный, то есть бонжур. Кушать очень хочется. Примите картуз у молодого человека и записывайте. – Меню было в бархатной золоченой папке. – На первое мы желаем крем-суп не луковый, а, предположим, грибной, к нему сырных гренок, но отметьте, чтоб сыр был не пикантный, а сливочный, во второе... экий у вас скудный выбор... Рыба? Михаил, вы желаете, судака по-провансальски?

– Что такое шукрут? – спросил пацан, перед которым тоже

лежала раскрытая папка.

– Извольте, – наклонился официант, – шукрут по-эльзасски готовится...

– Это квашенная капуста, – перебила я, – и ее нам даже не предлагайте.

Халдей был повержен, но я решила исполнить контрольный выстрел:

– Конфи из утятин тоже придется пренебречь, его полагается готовить более двух часов, выдерживая правильную температуру, посему, любезный, на второе у нас будет рыба, упаси боже, без провансальских присыпок, свежий салат и картофель ломтиками, обжарьте его в масле до хрустящей корочки. В меню этого не значится, но, можете после дописать.

– Десерт? Клафути, либо бланманже?

– С киселем, – фыркнула я. – Бросьте притворяться. Откуда у вас свежие ягоды для клафути? А пирога с вареньем мы и дома откушаем. Пусть будет бланманже, про кисель я пошутила, вычеркните. К нему кофе, а молодому человеку сварите какао.

– Какое вино предпочитает барышня?

– Что? – По улице шел энергично господин в котелке и тростью, я на него отвлеклась. – До первой звезды барышня предпочитает сельтерскую воду.

Господин поравнялся с витриной, это был не Волков, и я облегченно выдохнула.

– Геля, – прошептал Мишка, когда халдей удалился, – ты ограбила банк?

Интересный вопрос. Если я собираюсь и дальше сорить деньгами, то, наверное, придется. Ах, пустое. В крайнем случае, одолжу у Ливончика под честь семьи Вундермахеров, или телеграфирую в чародейский приказ, чтоб шеф подкинул на бедность.

– Будешь много знать... – протянула я зловеще и хихикнула. – Рот закрой, ворона залетит.

Нам принесли сельтерскую, официант с шиком разлил шипучку по винным бокалам. За супом мы почти не говорили. Информатор мой, изрядно оголодавший, мог только жевать. Я замечала, как он старается соблюдать приличия, каких усилий ему стоит мерно черпать ложкой и не заглатывать хрустящие гренки целиком, и сдерживала слезы. Проклятый Крыжовень, проклятая жестокая жизнь.

– А тех разбойников, что на вашу лавку напали, – спросила я за рыбой, – их нашли?

– Не-а, – покачал Мишка головой. – Да и не искал, наверное, никто. Степан Фомич, царствие ему небесное, сказывал, больно ловко они все провернули.

– Это уже при нем произошло?

– Да что ты! Блохин ни в жизнь бы не позволил так безобразить.

– Строгий был?

– Но справедливый.

Первый голод был утолен, и Мишка принялся мне рассказывать историю своего знакомства со Степаном Фомичем. То есть, он-то пристава с самого прибытия последнего знал, бригадные воришек-карманников специально малышня к приказу водили, чтоб новое начальство в лицо показать, чтоб те ему на глаза попадаться избегали. Мишка попался. Не очень давно, в том годе, в травене. И за работой попался, с рукою в чужом кармане и с бритвочкой в другой.

– Думал: все, отбегался. Нары, кандалы и пойду по этапу, как все пропащие. Но Степан Фомич дело замял, лично перед тем купчиной ошипанным извинился. А после... Он навроде тебя был, Блохин, тоже правду по кусочкам дергал и в купу собирал.

Так Мишка стал информатором пристава. Они не то чтоб дружили, но виделись регулярно, пацан передавал подслушанное среди фартовых, Блохин давал денежку, или продукты, или что-нибудь из своей старой одежды. Пацан знал, что не один он такой у Степана Фомича, что многие приютские с ним беседы ведут.

Ниточка? Еще какая. Блохин копал под опекунский совет. Также он пытался разобраться в давнем убийстве лавочника Степанова и его супруги. Или не пытался, а врал пацану, чтоб расположить к себе? Зачем? Чтоб Мишка с крючка не соскочил?

Про проституток я тоже расспросила. Мишка не смущался и не хихикал, дело-то обычное, кто-то с протянутой рукой

стоит, кто-то по карманам тырит, либо к налетчикам приближается, а девкам пропащим одна дорога – собою торговать. Пристав к девицам хаживал, а чего, молодой здоровый мужик, холостой к тому. Все про то знали и никто не осуждал. Бордель назывался «Храм наслаждений». Еще один храм? И туда заглянем всенепрерменно.

– Постоянная барышня у Степана Фомича в этом заведении имелась?

Мишка не знал.

Принесли бланманже – дрожащие студенистые холмики, присыпанные шоколадной крошкой. Пацан испуганно посмотрел на десерт, будто ожидая услышать тоненькое: «не ешь меня!»

– Директрису вашу как величать? – ткнула я бланманже десертной вилкой.

– Госпожа Чикова. – Пацан последовал моему примеру. – Елена Николаевна.

– Это поверенного Чикова родственница?

Он не знал.

Что ж, разбираться с местными продажными чиновниками мне задания не давали, но и оставить этого без внимания я не могу. А что могу? В нашей империи сиротское попечение истари на откуп частной инициативе отдано при некотором участии церкви. Митрополиту ябеду составить? И что это даст, кроме осознания собственной доброты? Кляуза застрянет в церковной канцелярии, погребенная под завалами

таких же жалоб. А даже если ей ход дадут, что поменяется? Ну устроят в приюте проверку, директриса в этот день сироток на работу не погонит. Ладно, Геля, пока остынь, не распыляйся. После придумаешь, как ситуацию по закону и справедливости разрешить.

– Михаил, – сказала я серьезно, пододвигая собеседнику свой десерт, – расскажи мне теперь в подробностях, отчего пристав помер. Какие слухи в городе ходят?

Слухов особых не ходило. Просто одним морозным утром мужики, что на базар торговать ехали, увидели на осине повешенного.

– На осине? – Письмо Блохина я помнила дословно. – Не на ясене, или, положим, дубе?

Пацан кивнул.

– Осина приметная, в народе «висельной» прозванная, поганое дерево. И место препоганое, нечистое, там неподалеку развалины генеральской усадьбы Попова, крестьяне издавна эту усадьбу стороной обходят, потому что зло там обитает.

– Висельной?

– Говорят, на ней того генерала и нашли, которого усадьба. А после, когда мужики пришли себе кирпича в развалинах добыть, призрак на них как наскочит, да и поубивал всех, но это лет двадцать назад было.

– И что ж, этот генерал Попов тоже на себя руки наложил?

– Сначала усадьбу сжег, а теперь ходит по развалинам, переходящих подманивает, да людскую кровь пьет.

– Перфектно. – Я холодно улыбнулась, подобных городских баек я за жизнь свою недолгую наслушалась преизрядно. – Осину мне покажешь?

Сытый и разморенный Мишка кивнул:

– Отчего не показать, покажу, только тебе с того показа толку не будет, полканы там ужо все обрыскали.

– Стало быть управлюсь быстро. Давай прямо сейчас? До вечерней поверки в город вернешься, выручку сдашь. – Я посмотрела на стену, где тикали золоченные часы. – Сколько до этой усадьбы?

– Пешедралом долго.

– Извозчика кликнем.

Я рассчиталась за обед, оставила щедро на чай и попросила передать комплименты повару.

– Чудная ты девка, Геля, – пробормотал Мишка Ржавый на улице, когда мы высматривали извозчичьи сани, – то штучка столичная, то фартовая своя в доску, а то чистый полкан.

– Если вдруг бригадные спросят, что за персону сегодня обихаживал, – велела я, – скажешь, в газете барышня служит, пожелала заметку про страшные колдунские места писать.

Эту легенду я сочинила только что, и она мне нравилась. В нее укладывались расспросы про покойного Блохина, обыск его квартиры и посещение «висельного» места.

Пацан легендой тоже удовлетворился, ну или сделал вид.

И вскоре мы уже кутались в меховую доху нанятых саней. Возницу звали Кузьма, и именно он вчера устраивал себе батальное представление на городском вокзале. Был он бородат, еще не стар, смешлив, разговорчив и любопытен.

– Газетчица это столичная, – представил меня Мишка, – про горелую усадьбу Попова пишет. Не трусись-то, труся, за-светло обернемся.

Извозчик заломил цену, я уменьшила ее втрое, напирая на скудный газетный бюджет, и предложила спутнику все-таки поискать знакомого моего ваньку-Антипа, который накануне показался мне менее жадным. Кузьма сообщил нам, что Антип – зло во плоти и пьяница, и вообще пришлый, он-де проклятые эти развалины днем с огнем не найдет, и завезет меня к черту на кулички. Сошлись на половине и, с богом, поехали.

Достав из футляра очки с чародейскими стеклами, я рассмотрела обоих моих спутников и лошадку. Рун ни них не было, скрытые артефакты из-под одежды и сбруи не мерцали. Магическим был только фонарик, болтающийся на дуге над лошадиной головой. Опасности быть заколдованной и ограбленной за пределами города можно было не ждать. Револьвер добавил бы мне уверенности, но таскать его в муфте было не особо удобно, поэтому я оставила его в своей горенке на Архиерейской. К слову, об удобстве, небольшая дамская кобура на манер той, что я примеряла в квартире Блохина, изрядно облегчила бы мою работу.

По дороге меня развлекали страшными древними историями, меж которых я успевала вставлять вопросы про покойного пристава. Кузьма Степана Фомича уважал, впрочем, как почти все горожане. Самоубийство он допускал, потому как место для прощания с жизнью покойник выбрал не абы какое, а со смыслом.

– Сглазили мужика, в петлю толкнули, – вещал извозчик, – потому как все зло в мире от баб, и от ведьм, которые тоже бабы.

– В Крыжовене ведьм много? – недоверчиво хмыкнула я.

– А то.

Он принялся рассказывать про свою соседку злоглазую, про прочих завистниц да проказниц.

Про ведьм я знала гораздо больше Кузьмы. В нашем отечестве магические способности меж полами распределены неравномерно. Чародеи почти исключительно мужчины, их призывают к служению стихии, либо одаривают магические источники, женщины же вынуждены довольствоваться крохами. Видимо, для поддержания вселенской справедливости, слабому полу подвластно ведовство. Каждый ковен, это что-то вроде дамского кружка, служит одной из древних богинь. Что они могут? В сравнении с чародеями ничтожно мало. Ведьмы могут забирать. Недавно я познакомилась с великой берендийской ведьмой Нееловой, так она умудрилась «версты скрасть», притащив с холодного острова в Мокошьград двух чародеев нам на подмогу. Толкнуть на самоубий-

ство? Влезть в голову чародея Блохина и мысли ему запутать? Для этого местной ведунье пришлось бы спать с объектом воздействия на одной подушке, да не один раз. И она должна быть очень, просто исключительно, сильна.

Извозчик же бубнит про всякие глупости, навроде скисшего молока и сглазливового слова.

– Зара еще эта, – Кузьма сплюнул с облучка, – скрутит куколку из соломы, да иголками тыкать принимается, а мужик, чьим именем она эту гомункулу покрестила, день за днем чахнет.

– Провидица Зара? Губешкина которая?

– Первейшая ведьма, – подтвердил извозчик, – магичка черная.

Это было уже нелепо. Заговоры, которые мне только что описали, были во-первых, запрещены под страхом смерти, а во-вторых, отлеживались представителями церкви. Потому что дело это богопротивное, и, ко всему, требующее сакральных ингредиентов, навроде настоящей крестильной купели и освященного еля.

– Экая у тебя в голове каша, мил человек, – сообщила я. – Но не мне тебя уму разуму учить, на исповеди батюшке подозрения свои сообщи, он пояснит подробно, что ближнего любить и уважать надобно, независимо от того, мужик он либо баба.

Вот кто меня за язык тянул? Еще бы про суфражизм лекцию устроила. Кузьма обиделся, и замолчал.

– Зря ты, Геля, – пробормотал Мишка, – есть такое колдунство, я точно знаю.

– Сам видел?

– Своими глазами! Позатем летом дело было, туз один, Валет звали, не важно, он помер уже, девчонку одну нашу насильничал, Лизку. – Пацан перекрестился. – Она тоже уже... того. Так вот...

Рябые зеленовато-карие глаза Мишки округлились и повлажнели:

– Лизка гордая была, неласковая, девкам-то нашим приютским одна дорога – в веселый дом, либо под фонарем стоять, а она не хотела, щипала с пацанами помаленьку, денежку копила да побег готовила. А тут Валет этот ее заприметил, ну «кот».

– Сутенер, – я кивнула, «котами» на воровском жаргоне назывались субъекты, опекающие проституток.

– Сказал, сам сначала ее попробует, прежде чем клиентам предлагать. Ну и попробовал, да щедро с товарищами поделился. Забрали Лизку на всю ночь, она брыкалась конечно, на помощь звала. Да только подручные Валета быстро ее скрутили, меня пришибли до полусмерти, а больше никто им дороги не заступил.

– Сколько лет было девочке? – сглотнула я горькую слюну.

– Четырнадцать, – ответил Мишка неуверенно, – может и меньше. Наутро она вернулась избитая вся, изодранная, а глаза мертвые. Директрисе сказала, под кота работать ухо-

дит, да только надо обождать, пока заживет немного, а пока будет щипать, чтоб барыня в убытке не осталась. Начальница позволила. А Лизка кубышку свою с денежками откопала, да меня с собою позвала. Я думал, в побег за компанию, но пошли мы к одной колдунье, что черными заговорами промышляет. Зовут ее еще престранно – мадам Фараония. Эта мадам в богатом доме на Гильдейской живет, и там же клиентов принимает. Меня за порог не пустили, я на улице ждал. И дала та Фараония Лизавете шесть глиняных куколок, у каждой на лбу буквами кличка стояла – Валет и пятеро его подручных, которые с Лизкой ночью ужасы творили. В глину колдунья намешала всякого, что от надругательства в девчонке осталось, и сказала, что ей самой выбирать, как злодеев наказывать.

Во рту появился вкус соли, я прокусила губу до крови, Мишка же монотонно продолжал:

– Золотари как раз бочонок с нечистотами через улицу везли. Лизка туда все шесть кукол и бросила. Это утром было, до заката мы по базару работали привычно, Лизавета веселая была, лихая. А вечером, когда в приют вернулись, узнали, что помер Валет в страшных муках, отравился, и вся свита его, то ли вино плохое употребили, то ли тухлятину зажевали, только нашли их в дерьме, и будто бы оно из всех дыр у них лезло.

– Туда им и дорога, – прошептала я.

– Лизавета, как новости услышала, улыбнулась мне светло

и говорит: «Прощай, Мишенька, дело свое я завершила, так что и помирать не страшно». Я испугался, как же так, говорю. А она: «Нешто ты думал, за такую работу деньгами расплатиться можно? Жизнь я за месть отдала». И упала бездыханная.

Я обняла плачущего пацана. Слов утешить не было, мы молчали, заснеженные просторы нашей богоспасаемой отчизны взирали на нас с обычным равнодушием.

Какой кошмар! Какой беспросветный ужас. Этих детей, и без того обездоленных, толкают на преступления те, кому по статусу положено их защищать. Госпожа Чикова должна ответить за свои преступления, даже если мне придется заказать у черной колдуньи Фараонии ее глиняную куклу.

– Приехали, барышня, – гаркнул обернувшись Кузьма, – вот она, усадьба. Денежку-то сейчас извольте заплатить, чтоб не волноваться.

– Чтоб ты нас здесь бросил, мил человек? Ну уж нет, получишь сполна, когда в город вернемся.

Мишка шмыгнул носом и меня поддержал:

– Здесь обожди.

Усадьба зловеще не выглядела, снег картину несколько умиротворял. Давно заброшенный дом в полтора этажа, облупившиеся до кирпича колонны торчат будто пальцы покойника, не поддерживая уже крыши портика. На стенах кое-где следы копоти, окна пусто чернеют, шатер кровли покосился, как шляпка гнилого гриба.

– Осина там, – махнул Мишка в сторону.

Мы обогнули портик, проваливаясь по колено в снег. «Ви-сельное» дерево чернело на белоснежном холме.

– Говоришь, мужики его нашли? – спросила я. – Разве с дороги это рассмотреть?

Пацан повернул голову, провел глазами расстояние:

– Ежели от города ехать, то никак, но от деревни как раз от поворота видать.

Я взобралась на холм, серый толстый ствол пережил не один десяток лет, а ближайший сук торчал аршинах в пяти над моей головой, на нем болтался обледенелый обрывок веревки. Высоковато. Я, например, без приспособлений туда не доберусь. Предположим, Блохин воспользовался лестницей. Ее занесло снегом? Я пошаркала ногами. А после ее прибрал хозяйственный приказной? Дерево выглядело обычным. Нацепив очки, я рассмотрела нанесенные на кору чародейские руны. После зарисую. Любопытно, кто автор: покойный пристав, или, напротив, злоумышленник этой вязью его приманивал?

Мишка топтался у подножия холма, пытаясь согреться, мороз пробирал до костей. Запрокинув голову, я попыталась разглядеть, нет ли каких знаков на веревке, но не преуспела.

– Геля, – позвал пацан, – ты чего там?

Я объяснила.

– Белоручка, – сплюнул он пол ноги. – Тут дела на минуточку.

Скинув мне свои кожух и картуз, юный Степанов по кличке Ржавый взобрался по стволу что твой кот. Веревка сосулькой упала к моим ногам, рядом спрыгнул Мишка.

– Тебе совсем что ли не страшно? – спросила я, сначала поблагодарив. – Проклятая осина, покойный генерал.

– Живых надо бояться, а не деревьев с покойниками, – ответил он одеваясь.

– Это правильно, – похвалила я, хотя покойников сама боялась до обморока.

Веревка оказалась непростой, а зачарованной, сквозь корочку льда мерцал витой аркан, знаки которого многократно повторяли руны на коре дерева. Перфектно. Я спрятала обрезок в нашитый подкладочный карман шубы.

– Можем возвращаться? – В тоне пацана мне послышались нотки грусти, ему, кажется гораздо больше нравилось болтаться со мной, чем шарить по карманам в Крыжовене.

– Развалины еще нужно осмотреть. Не струсил? А ну как призрак Попова крови возжелает?

– Тогда скормим ему Кузьму, в нем жижи поболее чем в нас будет.

Я хихикнула и мы побрели через снег.

Дом пострадал от пожара, от времени, от диких животных. Верхний этаж был недоступен, придавленный осевшей крышей. Более менее сохранилась лишь одна зала внизу, на стенах которой угадывались роспись и резные шпалеры, почти полностью уничтоженные огнем. Паркетный пол кое-где

проваливался, доски нехорошо пружинили и скрипели под ногами.

– У входа обожди, – велела я Мишке, поправляя очки.

Человеческих следов здесь не было, но, может, обнаружатся чародейские?

Прямо от двери через зал темнел каминный зев, мраморная облицовка держала форму. Хорошая работа, основательная, и без толики колдовства. Две резные фигуры поддерживали украшенную растительным орнаментом широкую полку. Что-то аллегорическое, мужчина и женщина в тогах, руки будто напряглись от усилий, на них бугрятся мускулы, лица искажены. В камине я пошарила подобранной с пола деревяшкой, обнаружила дохлую белку. То ли от поднятого в воздух пепла, то ли от неровного света из выбитых окон, но на мгновение мне показалось, что рот мраморной женщины шевельнулся. Я замерла, выдохнула осторожно. Рот статуи действительно открыт, широко, как от хохота. Она «демонски хохочет»? Я перевела взгляд к ее мраморному напарнику. Полку он держал лишь одной рукой, вторая была перед грудью, указательный палец отколот, но, мысленно его дорисовав, я решила, что статуя грозит. Он и она. Он грозит, она демонски хохочет. В своем предсмертном послании господин Блохин именно так писал. Значит те самые «тыщщи» спрятаны под полом? Именно под этим, кое-где сгоревшим и гнилым?

Разжав пальцы, я выпустила деревяшку. Спокойно, Геля,

не пори горячку. Ну найдешь ты немедленно клад, дальше что? Потасишь его в сани, а после в приказ? Рано еще раскрываться. В сани и перепрятать до поры у Губешкиной? А извозчику ты что скажешь? На разведку-то с пустыми руками отправлялась.

Тогда что? Просто уйти, вернуться после без свидетелей? – Мишка, – позвала я негромко, – возьми у Кузьмы фонарик чародейский с саней, мне посветить нужно.

Пацан ушел, я опустилась на колени перед камином, толкнула от себя железный поддон, он съехал. Полозья крышки недавно хорошо смазали жиром. В углублении лежал обычный дорожный саквояж. Я щелкнула замочком. «Тыщци», плотно перетянутые ординарными банковскими бечевками, даже не шелестели. Закрыв саквояж, я переставила его на пол, помогая деревяшкой, столкнула в схрон дохлую белку и задвинула поддон. Перфектно. Следы! Той же деревяшкой я размазала пепел, встала, ухватив за ручку саквояж. Снаружи доносился скрип снега под мишкиными шагами, я метнулась к окну, к остову цветочного горшка, где некогда росла массивная пальма, ее обугленный ствол крошился под пальцами, но удержал пук сухих корней. Саквояж в горшок помещился, но занял все свободное пространство. Его кожаный бок осветился желтоватым светом магического фонаря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.